

Сандулла Сиясов

Сказки для мужчин

Республиканские
издательство

Ташкент
Издательство ЦК ЛКСМ Узбекистана
«Еш гвардия»
1988

Перевод с узбекского

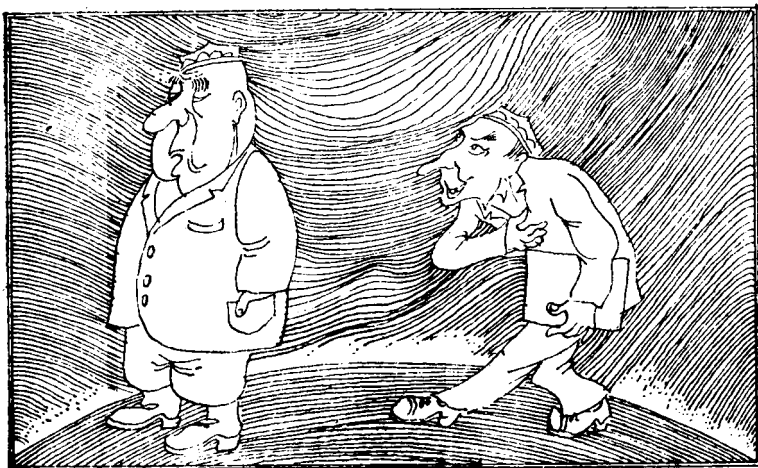
С $\frac{4702570200-54}{356 (04)-88}$ 33—88

ISBN 5—633—00033—1

© Издательство «Еш гвардия», 1988

Тирецестъ моа

ВЕТКА ПЛАКУЧЕЙ ИВЫ

Исповедь лгуна

Мой покойный дед как-то посадил у дома ивушку. И именно она — как это ни странно — научила меня лгать.

Однажды весной, сидя на айване, я мастерил из камыша дудочку. Вдруг мимо меня прошмыгнул мой братишка Шермат. Я бросил свое занятие и стал за ним наблюдать. Гляжу — он тянется к полке, где стоят две большие пиалы с нишолдой,¹ специально привезенной дедушке из города. Проказнику сначала никак не удавалось достать лакомство, но потом он сообразил и приволок сундук, стоящий в углу. Встав на него, он

¹ Нишолда — блюдо из яичного белка и сахара.

засунул в пиалу всю пятерню, но едва успел облизать пальцы, как она полетела вниз и разбилась. Шермат тут же удрал, даже не убрав сундучка, а я снова принялся за свою дудочку.

Через некоторое время пришел дедушка.

— Кто это сделал?— спросил он меня, указывая на черепки.

— Шермат,— ответил я со спокойной совестью.

Дед молча зашагал к иве, отломил веточку и хлестнул меня по спине.

— Сам мало того что набедокурил, так еще и обманываешь!

— Честное слово, это Шермат!— крикнул я, взвизгивая от боли.

— Откуда же у тебя пенка на губах?— ехидно спросил дед, не забывая при этом опустить на мою спину прутик.

Я хотел сказать, что пенка образовалась, когда я опробывал дудочку, но слова застряли у меня в горле.

Когда пятый раз дедушка хлестнул меня прутиком, мне не оставалось ничего другого, как употребить спасительную ложь:

— Дедушка, милый, я ел нишолду, я пиалу разбил, клянусь хлебом.

— То-то же,— сказал дед, отбрасывая ветку в сторону,— всегда говори правду, даже если тебе голову собираются отрубить.

После этого случая дела мои немного улучшились. Я вру, глядя дедушке прямо в глаза. Теперь персики ел я, а пощечину получал Шермат, удовольствие от сладкой кураги¹ получал я, а от ивого прута — Шермат.

Как-то я пожалел братика и, заступаясь за него, сказал правду. Но дедушка взялся за яблоневый прут.

---

¹ Курага — сушеный урюк.

и мне потом пришлось до порога добираться ползком.

«Видно, кто хочет спокойно жить на этом свете, тот должен лгать»,— решил я и стал добросовестно всех обманывать.

Пошел я в школу. Учительница наша напоминала сказочную старушку. Бедная, она почему-то на уроках ела яблоки. Из-за моего роста она посадила меня на первую парту. Смотрю — она мне не дает покоя ни на минуту: «Исмаат, сотри с доски, Исмаат, принеси мел, Исмаат, закрой дверь!» Однажды взял я тряпку, чтоб стереть с доски, и принялся тереть стенку. Дети все смеялись до упаду, а учительница возмутилась.

— Опа, у меня дальнoзоркость,— плаксиво пробормотал я и через минуту очутился на самой последней парте. И какое там, оказывается, прекрасное местечко! Играем с соседом, привязываем девочек друг к другу за косички — в общем, раздолье! Впрочем, были тут и отрицательные стороны. Так, учительница начинала опрос именно с задних парт. Что делать! И я нашел выход. Не приготовив уроки, я шумел: «Спросите меня!» Учительница, конечно, не обращает на меня внимания и поднимает притаившихся ребят.

Однажды я не учил уроки, и она меня вызвала. Я наслюнявил незаметно глаз, шмыгнул носом, и учительница сразу же заволновалась:

— Что случилось, Исмаатджан? Ну, говори, говори!

— Вчера... мой дядя...— скорбно всхлипываю я.

Учительница вздыхает и сочувственно гладит мою голову, а потом отпускает меня домой.

Так я оседлал ложь, словно хорошего коня. К моменту окончания школы у меня семь раз умирали тети, четыре раза дяди, дважды племянник отца, трижды племянницы мамы. Когда же мне случалось пропускать занятия несколько дней подряд, выяснялось, что я выезжал на похороны зятя в Чимкент или невестки в Джамбул..

Был в нашей школе один учитель физики — очень жадный до отметок. Даже когда его родной сын заливался соловьем, он обрушивался на него с упреками, еле-еле выводил в журнале тройку. Можно представить, как он относился к нам. И именно этот скряга сказал кому-то: «Если Исмат поступит в институт, я уеду из этого кишлака».

После получения аттестата зрелости я встретил его на улице и съязвил:

— Еду в институт, учитель, собирайте пожитки.

— Езжай, езжай,— сказал он, усмехаясь,— моя телега готова.

Когда я сдал все документы в институт, члены экзаменационной комиссии изменились в лице, взглянув на мои отметки. Но я понимал, что, прочитав разок мою автобиографию, любой из них должен был разрыдаться, прижать меня к груди и немедленно положить в мой карман студенческий билет вместе с трехмесячной стипендией. Ведь судя по тому, что я написал в этой бумажке, я был так беден, что зарабатывал на жизнь службой в людях. Как Горький, я выучился читать украдкой, а теперь хочу учиться в высшей школе и стать человеком. Говорят, ректор действительно прослезился, читая мою автобиографию. Оказывается, он, как и я, с детства рос сиротой.

Так я стал студентом и первого сентября явился в аудиторию. Но меня не покидала мысль об учителе физики. Неужели он так и уедет, бедняга, из родного кишлака? Вот ведь человек — пятьдесят лет на свете живет и не может чуточку соврать. Сказал бы, что пошутил с Исматом. Правда — что уксус, нельзя его так пить. А разбавь водой, вот тебе и приправа к пище.

Не выдержал я, послал учителю телеграмму: «Поздравляю вас, я провалился на экзаменах».

Вы даже не поверите, как я учился в институте. Как только приближались экзамены, я немедленно превра-

щался в хромого и не разлучался с костылями. А то и припадки начинались. Случалось мне и «до зари просиживать над смертным одром моей квартирной хозяйки», однажды срочно выехал на похороны родного деда, который, слава аллаху, в этом году свое столетие справил.

Пришлось мне систематизировать свою ложь и использовать в зависимости от характера преподавателя. К примеру, если у него злой язык и твердый характер, пускаю в ход группу «умер — помер». Разъяренный преподаватель сразу смягчается и просит зачетку.

Попав к преподавателю помоложе и подороже, остаиваюсь на группе «происшествия, добрые услуги» и с жаром говорю о благодарностях женщины, доставленной мной в родильный дом, или же о рыданиях потерявшегося малыша, которому я нашел маму. Получив в зачетку очередную тройку, я быстро выскакивал из аудитории.

Только всегда изумляло одно — почему меня никто никогда не назвал лгуном. Что бы кому ни говорил — всему верят. В чем тут секрет? Долго я думал об этом и, по-моему, понял. У меня это здорово получается — спешу, тараторю, вздыхаю, словно заново переживаю все, что случилось (вернее, не случилось). Иногда я сам верю тому, что говорю, так правдиво получается все. Талант у меня врожденный, что ли, к этому.

Когда я прикарманил диплом, тюльпаны уже отцвели, была пора цветения роз. В городе я чувствовал себя стреноженной лошадей и потому отправился в кишлак. В нашем колхозе председательствовал Уразмат Тажанг (Сердитый). Был он человеком грубым, кричал на всех, невзирая на возраст. Но я узнал его слабую струнку и однажды сыграл на ней.

— Владыка,— обратился я к нему, войдя в его кабинет.— Владыка не отвергнет свою кость, почтенный.

Вы — владыка этого кишлака, и не просто владыка, а орел-владыка. Под крылом одного орла тысяча воробышков проживает. Я пришел тысяча первым. Возьмите меня под сень своего крыла, и мне здесь перепадет кое-что, Уразматджан-ака!

Ну и околпачил я его! Сначала он завелся, а как услышал про орла, рот до ушей разинул, взял карандаш и написал записку начальнику одного участка: «Возьми на должность экономиста». Я стал благодарить его, согнувшись в три погибели.

«Когда-нибудь доберусь до тебя»,— думал я, выходя из правления. Так я стал экономистом садового участка. На первых порах мы никак с начальником участка не могли сработаться, не понравился я ему. Недолго думая, пустил я в ход ложь, верой и правдой служившую мне вот уже восемнадцать лет.

Однажды сели мы с ним пить чай.

— Вы мне дороже всех моих родных, Мансур-ака,— улучив момент, шепнул я.— Вчера я был в районе, узнал новость — говорят, наш председатель уходит собирается, а вас на его место хотят назначить. Как я обрадовался! Оказывается, есть еще правда на земле, ака!

Начальник заблестел глазами и сказал: «В яму». «Мышка»,— сказал я. «Попала»,— опять сказал он. «Ни слуху»,— сказал я. Потом мы вместе сказали: «Ни духу» и рассмеялись.

На следующий день помчался я в правление. Застал председателя одного и стал врать:

— Я полюбил вас пуше всех родных, Уразмат-ака. Но вы оставляете нас сиротами. Вчера я был в райцентре,— вдохновенно продолжал я,— там радостные слухи. Старший хозяин,— намекнул я,— уходит, на его место — вас, Уразматджан-ака, собираются посадить. Вот я и пришел поздравить.

— Если то, что ты сказал, сбудется, через четыре

года будешь на моем месте хозяином!— пообещал председатель.

С тех пор начальник отделения с умилением смотрит в сторону правления, а председатель с надеждой устремляет взор к райцентру. «Пускай — говорю я себе,— хоть все глаза проглядыт! Я свои интересы защищаю!»

Мощь лжи уберегла меня от опасных колдобин и подняла на вершок в глазах окружающих. Начальник участка стал мягок, словно отмоченный ивовый прут, председатель при встречах здоровался со мной только за ручку. Был Исмат птахой, стал Исматилло. А к весне превратился в Исматиллобека.

Все родные словно только того и ждали. Дед, бабушка, матушка и младший брат собрались на совещанье.

— Котенок в ката вырос, а от тебя ни слова о женитьбе не дождемся,— говорит дед.— Хочу, пока жив, видеть тебя женатым. Все, кроме горя, хорошо в паре.

— К чьей двери на поклон идти, внучек, кто тебе по душе?— спрашивает бабушка.

Мать тут же высыпала передо мной кучу фотографий.

«Двадцать пять лет мне уже,— подумал я,— а с пери по имени Любовь никогда не приходилось встречаться. Ни одной девушке не вглядывался в лицо!»

Сижу, перебираю снимки, которые дала мать. Вот белолицая, вот узкоглазая, вот черноглазая, вот смугленькая... Девятнадцать лет, восемнадцать... Говорят, в восемнадцать лет все девушки хороши.

— Ну, что скажешь?— прервала мои мысли бабушка.

Снова всматриваюсь в фотографии. Лицо одной девушки обожгло мое сердце. Молча спрятал снимок в карман. Домочадцы облегченно вздохнули.

Девушку, которую, так сказать, я прикарманил,

звали Мохира. Она работала портнихой в соседнем шахтерском городке.

Через три дня я отправился к ней, неся в свертке пять метров лавсана.

— Мне бы костюм из этого сшить,— говорю Мохире, вглядываясь в лицо девушки.— Только мне нужно как можно скорей.

— Что вы так спешите?— нахмурилась она.— В порядке очереди и сошьем.

А я скромно улыбнулся и отвечаю:

— Я, конечно, не спешил бы так, если бы не нужно было мне через месяц вылетать в Африку на работу. Поэтому, пожалуйста, шейте по последней моде...

После этих слов я удалился. Закрывая дверь, я услышал за собой шушуканье девушек.

На следующий же день я снова явился в ателье. Мохира выбежала мне навстречу.

— Мохирахон,— сказал я, нарочито задыхаясь,— поверите ли, я всю ночь глаз не сомкнул. Перед глазами то вы, то дикие слопы Африки. На спине огромного, словно купол Гур-эмира, слона — золотой трон. На троне в шелковом шатре сидите вы. А я, звеня колокольчиком, веду слона.

Девушка стыдливо опустила глаза.

В третий день моего прихода девушка согласилась стать моей женой, а в четвертый — был назначен день свадьбы. Чтобы «зять не опоздал на африканский поезд», тещь с тещей на скорую руку сыграли свадьбу. Прошла свадьба, прошел медовый месяц. Но об «африканском поезде» все не было слышно.

Однажды Мохира положила мне на плечи руки и, ласкаясь, спросила:

— Когда поедем в Африку, Исматилло-ака?

— В какую Африку?— поморщился я.— Ах, да! Разве ты не слышала? Там произошел государственный переворот!

Мохира насупилась:

— Обманщик!

Сколько лет лгал, глядя в глаза, и никто не называл меня обманщиком. А родная жена назвала. Это слово, будто игла, вонзилось мне в пятку и вышло через мозг.

Вечером лег и стал думать. Мне уже под тридцать. Прожита половина жизни. Любимая в объятиях, не прошло и года, как я стал старшим экономистом. Как говорят, и котел в сале, и поварешка. Что же мне еще надо? Вот уже сколько лет, как я завернул совесть в тряпочку и подвесил повыше, чтоб рукой не достать. Теперь-то надо ее достать, развернуть. Буду говорить только правду!

Наутро, когда уходил из дому, жена сказала:

— Сегодня мои родные придут, вернитесь пораньше, Исмадилло-ака!

— Невозможно,— говорю,— сегодня день рождения бригадира.— И это было чистой правдой.

Жена недоверчиво улыбулась и прислонилась к двери.

Подхожу к правлению и вижу — во дворе стоит один наш старый тракторист. Повел его к себе в кабинет.

— Вы что это, Мавлян-ака,— говорю,— деньги свои не берете?

— Какие деньги?— удивился он.

Я стал перелистывать тетрадь.

— Вот! Вам причитается триста восемьдесят один рубль двадцать восемь копеек за экономию масла и запчастей в прошлом году и в этом.

Я думал, Мавлян-ака обрадуется, вскочит с места и кинется меня обнимать, а он обиделся.

— Нельзя тебе надо мной смеяться, братишка,— сказал он,— я тебе в отцы гожусь. Главный экономист колхоза десять раз все пересчитал и сказал, что мне

ни копейки не полагается. Ты что, хочешь дать мне чужие деньги и подвести меня?

Мавлян-ака так рассердился, что не стал даже слушать мои объяснения и быстро пошел к двери, бормоча по дороге, что я такой молодой, а вру, не краснея.

Ну и ну! Ложь люди охотно принимают за правду, а правде ни за что не хотят верить. Чудеса!

В полдень наш бригадир приготовил плов, и мы, конечно, порядком выпили. Начальник участка стал что-то бормотать, брызгая слюной. Когда он раньше, выпивая, даже бил посуду, я всю расхваливал его: «До чего вы, Мансурджан-ака, сладко пьянеете!» А сейчас взял и сказал ему правду в лицо:

— Коли не умеете пить, так не позорьтесь перед всеми!

Весь его хмель тут же улетучился. Еще больше забрызгал он слюной, даже головой от злости замотал.

— Ссс-сс каких... эт-то пор м-мы н-не умм-меем п-пить? А?!— заревел он и хлопнул по столу ладонью.

— С сегодняшнего утра,— продолжал я перечить ему.

Начальник стал похож на взбесившегося верблюда:

— У-у-у-х... П-пер-рья об-бщип-паю, вор-робышек!

За дастарханом все испуганно молчали. Пирушка была испорчена.

К вечеру меня вызвал председатель. В районе планировалось собрание экономистов, и я должен был говорить про наш колхоз. Решили ехать вместе.

Председатель нарядился в костюм, в споре за обладание которым клоуны устроили бы настоящую драку.

— Ну как?— спросил он меня, сняя.

Раньше я его расхвалил бы, даже если б он накрылся овечьей шкурой, а теперь я сказал ему то, что ду-мал:

— Вам это не идет.

Уразмат-ака, насупившись, сел в машину. Приехали мы в райцентр тогда, когда собрание уже шло. Дождавшись своей очереди, я взобрался на трибуну и пошел утюжить наш колхоз, да так, что наш председатель только крикал и голову опускал все ниже и ниже, пока совсем за спинку стула не спрятался.

Когда я кончил говорить, слушатели так аплодировали, словно я их любимую песню спел.

Домой я добирался на попутных машинах.

На следующий день председатель вызвал меня самым первым и начал разговор с брани:

— Ты круглый идиот!— кричал он, стуча кулаком по столу.— Что, заелся? Отрыжка мучает?! Ну и ну! Все стараются грех величиной с верблюда за пазуху спрятать, а этот из мухи слона делает! Ха! Зря стараешься, меня не свалишь! Мои корни до воды дошли! Иди и больше мне на глаза не показывайся! Пса в золотое блюдо тычешь, а он морду воротит...

На следующий день я опять стал просто экономистом. А раньше был старшим...

Ну, думаю, что же получится, если еще хоть дня два буду говорить правду? Как бы авторитет, накопленный по крохам, не выбросить на ветер мешками. Тут, как назло, из области приехал ревизор. Председатель как раз отсутствовал, и сопровождать грозного гостя поручили мне. Пошли с ревизором в горы. Гонял он там колхозных овец туда-сюда — считал. Долго считал, но двенадцати голов все же не досчитался. Уставился он на меня тогда и ждет, что же я ему скажу, Я, недолго думая, сказал ему всю правду:

— К нам теперь, понимаете, часто приезжают всякие гости, вот мы этих овец и принесли им в жертву.

Тогда он отделил по четыре пальца на каждой руке и сделал из них «решетку». У меня дыхание перехватило. Ведь если председатель попадет за эту «решетку»,

то, чтобы не скучать в одиночестве, он и меня потащит за собой! Ведь если быть справедливым, и я обсасывал косточки этих овец.

«Где ты, моей груди волшебный камень?»— мысленно изрек я и сразу перешел на ложь.

— Я пошутил, брат ревизор! Хотел вас испытать на чувство юмора. Тысячу извинений. Шесть овец из тех двенадцати загрызли волки, четыре свалились в обрыв, двух... двух по ошибке пристрелили преследовавшие кабанов охотники. Этих мы возместили. Вот зоотехник подтвердит все.

— Это чистейшая правда,— тут же воскликнул зоотехник, лязгая зубами от страха.

— Вот теперь другое дело,— сказал ревизор, закрывая папку.

Потом мы зарезали еще одного барана, свалив его, по акту, в пропасть.

На следующий день вечером ко мне пришел зоотехник. Он притащил с собой две бутылки и килограммов десять баранины.

— Ты меня от верной смерти спас, Исматилло,— сказал он,— не миновать бы мне решетки.

Долго мы сидели с ним. Потом, проводив его, я стал рассуждать. «Ну, что теперь, почтенный Исматиллобок?! Нравится говорить правду? Забыл шелканье прутьев плакучей ивы? Что лучше — лгать и есть плов, или говорить правду и питаться камнями?»

Рано утром отправился с извинениями к Мансуруака. «Я тогда сглумил — напился, как собака, и не соображал, что говорю. Ошибается младший — старший прощает, вы же великий человек»,— говорю ему, согнувшись в три погибели.

— Ну, ладно, ладно, прощаю,— добродушно говорит он.

В скверике встретил того старого тракториста, успокоил его.

— Я, оказывается, тогда ошибся, Мавлян-ака. Мы вам ни копейки не должны.

Бедный тракторист обрадовался, по плечу меня похлопал:

— Вот это правильно, браток, не надо врать!

И с председателем помирились. Прослышав про историю с ревизором, он снова стал со мной за руку здороваться. Так я стал прежним Исматилло. Как у канатоходца, слышавшего голос сурная, чешутся пятки, так и я не могу без вранья. Если совру, съеденное идет мне впрок, я спокойно сплю и настроение у меня бодрое.

«И шуба стала моя, и фаэтон»,— как говаривал мой дед.

Через сорок дней я снова сел на прежнее место свое. За шесть месяцев меня повысили — я стал главным экономистом колхоза, а через год назначили заместителем Уразмата-ака по скотоводству. Нет, все-таки ложь — великое дело!

Построил я царские хоромы, заполнил их золотыми и серебряными вещами. На коврах выткано мое имя. Покупал машину за машиной. И все это — благодаря лжи!

Хоть и с опозданием, а показал все-таки Мохире Африку. Путешествовал по Англии, Цейлону, Японии, Италии. И это тоже благодаря бесценному моему кладу — лжи.

Ложь — мои крылья, ложь — моя жизнь. А если хотите знать, то ложь — это моя совесть. Теперь, пока глаза мои не наполнятся песком, буду врать, врать, врать...

Да, кстати, не верьте этим моим рассказам, ладно? Ведь все это чистая ложь.

ТОВАРИЩ ... СУПРУГА

До тридцати лет я так и не выбрал себе невесту. Одна для меня была слишком худа, а другая — как бы выразиться поделикатнее, — ну, что ли, пышная. Если нравились фигурой, не подходили манерой поведения. Вот, например, Лолохон смеется так, что земля дрожит, притом рот открывает так, что все тридцать два зуба пересчитать можно. А Хилолахон — так та не хочет вовсе, но в том и беда ее, что чересчур серьезна и молчалива. У Туйгуной вечно губы сжаты — уж наверняка злая. Про Шарофат и говорить нечего: походка мужская, легкоатлетическая — попробуй идти с ней в ногу! Тем более — по жизни...

Из мира холостяков вырвала меня Хабибахон. Так же, как и я, она после института увлеклась работой и ей некогда было думать о замужестве. Когда оглянулась, то увидела, что все ее подружки создали семейный очаг, осталась она одна. Что же ей осталось делать? Решила выполнить свой гражданский долг перед обществом и для этой цели выбрала меня женихом.

Утверждать, что с нею мне повезло, не стану. А вот что ей повезло со мною — это точно. Судите сами. До замужества Хабибахон работала рядовым инженером в каком-то проектно-институте. Не успели остыть большие казаны после свадебного плова, ее уже назначили заведующей. Через полгода она уже сидела в кресле заместителя директора. Наверняка метила и на директорское, но ненароком помешал я: родился сын Хикматулла. За то, что он увеличил количество мужчин в нашей семье вдвое, в его честь я объявил недельное застолье.

Когда ему исполнилось 365 дней, Хабибахон пришла домой с ордером на новую квартиру. Только немного стал привыкать Хикматулла к новой жизни и начал делать попытки ходить, Хабибахон как-то опять

пришла с работы сияющая. Сняв пальто, бросила его как попало, подошла ко мне и повисла на шее. Мне стало не по себе. Право же, после того как родился Хикматулла, жена меня целовала только по четвергам. Да и то через неделю. Почему-то предпочитала целовать сына. И вот — вдруг...

— Жenuшка, что с тобой? Ведь до восьмого марта еще более восьми недель!— стыдливо попытался я пошутить, но она крепко схватила мои руки и прижалась ко мне. Так же, как в свадебную ночь, счастливо посмотрела мне в глаза:

— Можете поздравить: вашу женушку назначили главным инженером института!

Не ожидал я такого! Чтобы не упасть, уселся на диван. Показал на Хикматуллу, который сидел в углу на горшочке, и усовестил жену.

— Обо мне не заботишься — это ладно, хоть бы о нем подумала! С грехом пополам только научился петь колыбельную. А теперь еще и колготки стирать?.. Ведь не справлюсь я, не сумею...

— Ничего, я по телефону буду вас консультировать,— успокоила она. Потом, опять обняв, стала объяснять:

— Не могла же я отказать самому министру. Вызвал меня к себе и говорит, мол, в последнее время много допускается огрехов, ошибок в проектах. Сказал, что я имею большой опыт работы и попросил наладить работу проектантов. Решен вопрос и с Хикматуллой: вот ему направление в детсад,— показав бумажку, она добавила.— Кстати, вам я тоже что-то принесла...

Посмотрел я на ее «что-то». Обыкновенная книжка — «Советы домашним хозяйкам». Не скрывая явного безразличия, стал перелистывать ее. На первой странице рисунок измученного домашними заботами мужчины, кормящего младенца из бутылочки. Внизу,

издевательская подпись: «Берегите женщин!» Книжку бросил вон.

Почти год мне пришлось быть мужем главного инженера крупного института. Дальше — еще хуже. Жена поднялась еще выше по ступенькам карьеры. Ее назначили директором! Как раз того самого института, где работаю я.

— Вот, товарищ директор,— положил я на кухонный стол заявление об уходе,— прошу освободить меня от занимаемой должности...

Жена усмехнулась.

— Извольте объяснить, Рахатилля-ака, в чем дело?

— Не хочу работать под вашим руководством — и все тут!

Но она уже вошла в директорский раж.

— Не могу подписать ваше заявление,— отрезала она.— Во-первых, такие вопросы нужно решать не в домашних условиях, а непосредственно на производстве. Во-вторых, мне необходимо поговорить с начальником вашего отдела, получить согласие месткома. Кстати, о вас говорят как о толковом инженере...

— Вы подпишите мое заявление или нет?

— Ни за что!

— В таком случае с завтрашнего дня я не выхожу на работу.

— Как угодно,— бесстрастно сказала она.— Велю, чтобы записали прогул. Потом объявлю выговор.

Я схватил жену за руки и взмолился:

— Хабий, дорогая. Сжался надо мной. Разве можно ходить мужу на поводу у жены? А как мне обращаться к тебе? Ты что, хочешь, чтобы, как все, я подхалимничал тебе на работе? Что скажут коллеги, когда узнают, что директор — моя жена? Они же будут открыто смеяться: вот, мол, муж — круглосуточно держится за юбку жены! По-хорошему прошу тебя, подпisyвай заявление.

— О боже! О чем вы беспокоитесь! Нечего мне подхалимничать на работе. Главное — язык не распускать. Будете исправно трудиться, я постараюсь вообще вас не замечать. И последнее — насчет обращения ко мне: не хотите произносить «директор-апа», можете просто и официально — Хабиба Шамурадовна.

— Умора! — расхохотался я. — Хаби-ба-хон Шамурадов-на! Не правда ли, странно как-то звучит. Ты не находишь?

— А можем даже так, Рахатилля-ака, — предложила она. — На работе сделаем вид, что друг друга не знаем. Я буду вершить директорские дела, а вы — то, что положено делать простому сотруднику. Договорились? Дома же — я полностью в вашей власти...

Мой товарищ директор расцеловала меня в обе щеки и зашагала на кухню заваривать чай.

Утром у подъезда дома стояла белая «Волга». Хабибахон кокетливо посмотрела на меня и спросила: «Вы едете со мной или?..» Я покачал головой. Как только закрылась дверь, я быстро собрался и побежал к автобусной остановке.

Как всегда, опоздал на работу на полчаса. В кабинете директора проходило совещание. Тихонько зашел и уселся у самых дверей. Хабибахон сделала вид, что меня не заметила.

Вдруг мне стало интересно: как же долго она может не замечать мои опоздания. Еще несколько дней подряд нарочно приходил на работу с опозданием. Наконец меня вызвали к директору. Кроме нее, в кабинете меня ждали председатель месткома, бухгалтер и еще двое сотрудников.

— Проходите, садитесь, товарищ Аскарлов, — сдвинув брови, указала на стул Хабибахон.

Подчиняться своей жене?! Ни за что! Как стоял, так и продолжал стоять. Сидевшие за столом, один за другим, стали упрекать меня. Благо, что предместко-

ма был моим бывшим компаньоном по пивным барам — только он и защитил меня. Настаивала на том, чтобы вычеркнуть меня из табеля, самая некрасивая женщина института, к тому же вдова — наш бухгалтер. В конце концов решили объявить выговор без занесения в личное дело.

Собирался было встать и уйти, остановила директор:

— Товарищ Аскарлов, а почему вы не следите за собой? Посмотрите, сорочка не отутюжена, пиджак без пуговиц... Как-никак вы — интеллигент, человек с высшим образованием! Разве можно так?

Так и подмывало меня сказать: «Да, конечно, можно!» — и выйти из кабинета. Но черт дернул за язык:

— Уж так повезло мне с женой, — ехидно сказал я. — Природой, что ли, так создана, но как придет с работы, так и заваливается спать.

Чувствую, что больно задела ее мои слова. Но сдержала себя, не подав виду.

— Ладно, можете идти, — сказала она холодно. — Попробую поговорить с вашей женой.

Вечером сижу дома, держа на коленях пиджак. Когда явилась она, швырнул его ей:

— Пожалуйста, дорогой товарищ жена! Хотелось бы, чтобы была пришита пуговица!

Хабибахон промолчала. Даже улыбнулась. Как мать, привыкшая ко всем прихотям своего единственного дитя. Прошла в комнату и вынесла... новый костюм.

— Это вам, — сказала она, радуясь своей покупке. — Примите как подарок.

Я — польз внимания. Она стала умолять.

— Рахатилля-ака, не откажите, доставьте мне удовольствие.

Костюм был шикарный, чего греха таить, точно в моем вкусе. И рука предательски потянулась к нему...

— Ох, как идет он вам! С обновкой!— сказала она, поправляя воротник. Потом почему-то вспомнила о моем недовольстве, высказанном на работе.— Обманщик! Когда я заваливалась спать, придя с работы?

— Почему тогда позоришь меня перед всеми за неопрятность?

— Извините, долг службы. Да и какая женщина не хочет, чтобы ее муж ходил всегда чисто и опрятно одетым! Ведь вы самый дорогой человек для меня на всем белом свете, Рахатилляджан-ака...

Вот какая жена у меня! Дома — лучше нее в мире женщины нет, а на работе — упаси боже мне попадаться ей на глаза. Скажем, увидит в коридоре среди курящих,— другим — ни слова, а меня обязательно заденет: «А, товарищ Аскарлов, все дым пускаете?» Или еще что-нибудь в таком роде. Другие подготовят чертеж домашнего курятника — их хвалит как обладателей редкого таланта. А я вот кончил работу над проектом животноводческого комплекса на 400 голов КРС, то есть крупного рогатого скота. Работал над ним целых два года. И как, думаете, она отнеслась к моему труду? Вернула его моему начальнику и сказала, что над проектом надо еще поработать.

«Ну,— думаю я,— придешь домой, я с тобой поквитаюсь». Так и сделал. Когда она поставила ляган с ужином на стол, я сразу же ей сказал, что над пловом надо еще поработать... на кухне. Жена молча унесла ляган, а я торжествовал.

Самое неприятное — на работе коллеги не давали мне покоя.

— Ты явно не понравился директору, вот и мучает тебя она.

— Может, чем-то провинился перед ней, а? Признавайся по-мужски.

— Да нет, дело совсем в другом,— вмешивается другой.— Когда ее только утвердили директором, он

высказал сомнение, мол, если извозчик женщина, то телега далеко не пойдет. Кто-то, наверное, донес...

Высказывали другие суждения. Будто она живет в том многоэтажном доме, где и моя семья. А руководители-женщины не рады такому соседству. Потому что какие разговоры про нее на работе, то узнают и соседи по квартире...

В общем, еще месяцев пять коллеги смеялись надо мной. Наступило лето. К счастью, ее на месяц направили учиться в Москву. Радости моей не было предела. Быстро подал заявление и через двенадцать дней уволился. Устроился на работу в министерство. Прелесть! Начальник отдела кадров — мужчина, бухгалтер — мужчина, мой непосредственный начальник — тоже мужчина. Никаких тебе женских укоров. Хикматулла живет у матери моей. Повидаюсь с ним через день или два и — быстрее бегом в пивной бар. Не жизнь, а малина...

Месяц прошел — как один день. Незаметно и насыщено. Как-то сидели с товарищами в буфете министерства и пили кефир, рыжий Матнияз сообщил новость:

— Вы слышали, друзья, что у нас будет новый замминистра? Говорят, что женщина, к тому же мила, но земля трясется под ее ногами.

— Значит, так и назовем ее между собой — землетрясунья, — быстро нашелся я.

— Не землетрясуньей, а Хабибой Шамурадовой величать ее, — уточнил Матнияз.

— Хаб... Хаби... Шаму-ра-па...

Голова пошла у меня кругом.

СКАЗКИ ДЛЯ МУЖЧИН

Да будет вам известно, что я не из тех мужчин, которые боятся своих жен и круглогодично пишат под их каблуками, — меня месили из другого теста. Я просто

уважаю ее. Только и всего. И только поэтому, как и все гордые мужчины мира, все делаю так, как угодно ей. Зря, между прочим, вы снисходительно улыбае-тесь — мол, все мы, мужчины, стараемся объяснить свою слабость перед слабым полом только так, а не иначе... Итак, всякую улыбку в сторону, ежели речь идет о серьезном — о мужском достоинстве.

...Значит, дело было в предпраздничный день. До-мой вернулся поздно вечером. Чувствую, что сияю, как луна, которая светила мне всю дорогу домой. А сердце бьется, как у скакуна, только что удостоенного меж-дународной премии. Естественно, увидев меня в таком расположении духа, жена скептически улыбнулась.

— Добро пожаловать... среди ночи,— сказала она.—
Прошу.

— Понимаешь,— еле поворачивался мой язык,—
принято же перед праздником скидываться по рубчику и... В общем, ты прости меня, грешного...

А она, вместо того чтобы ответить, молча зашла в комнату и вынесла зеркальце. Посмотрел я на себя в зеркало и на правой щеке увидел след. Разумеется, не динозавра какого-нибудь, а лишь след накрашенных губ. И не мужских, между прочим.

— Удивляюсь,— сказал жене,— откуда это могло
взяться?

Увидев на моем лице почти детское невинное изум-ление, жена предположила:

— Наверное, кто-то из собутыльников лез целовать-ся. Только я бы хотела заметить, что этот человек, ока-зывается, деньги на дорогие помады находит, а выби-рать совсем не умеет.

Я же старательно тер щеку.

— О да, вспомнил,— радостно изрек я.— В трамвае я уступил место одной старушке. Она очень обрадова-лась и чмокнула меня в щеку. Да еще прошепелявила, чтобы я до ста лет дожил...

Конечно, моя «находчивость» не обрадовала жену. Поэтому она сказала:

— Постыдился бы! Другие вот врут, а ни за что не подумаешь, что врут. А ты... Да что там говорить! Ты лучше разуйся.

Сняв туфли, я хотел было прошмыгнуть в спальню, но она успела преградить мне дорогу и схватить за руку. Потом проводила до дивана, посадила и сказала:

— Вот что, милый ты мой! Ты прямо на глазах портишься. Поэтому я вынуждена всерьез взяться за тебя. Первое, что предстоит сделать тебе завтра, это уволиться из парикмахерской. Будешь работать у нас. Как раз имеется вакантное место бухгалтера. У нас давно уже ищут человека средних лет, по возможности не имеющего грудного ребенка. А ты именно такой человек.

Всем известно, что Дом моделей, где работает моя жена, это такое заведение, где собирается много женщин. Что меня и настораживало. Чутьочку, конечно.

— В принципе-то я не против,— сказал я, чувствуя, как почему-то сладко закружилась голова.— Но там же ведь одни женщины! Как бы они не заклевали одного мужчину! Ты не находишь, дорогая?

— Какой же ты трусливый!— засмеялась жена и, выпятив грудь, принялась аргументировать.— А я на что там? Заруби себе на носу: нет на свете женщины, которая дала бы заклевать своего мужа. Уж поверь мне, женская гордость не позволит этого!

И вот теперь получилось так, что жена утром уводит меня на работу, вечером сама же приводит домой.

Должен сказать, что одно дело, оказывается, поздравляться с женщинами и идти дальше по своим делам, и совсем другое — работать вместе с ними.

Я, например, прихожу на работу раньше всех. Разложив на столе бумагу, принимаюсь шелкать костяшками счетов. Наконец, одна за другой, приходят милые

женщины, с которыми я работаю в одной комнате. Вот балаболка Гульнара, следом идет Сайяра-пистолет (она всегда готова выстрелить слово-другое), а за ней — Шахназ, которая неизвестно по чьей вине родилась не мальчиком. Все они, побросав сумочки, начинают кривить губы, то есть красить их. Затем информируют друг друга о вчерашних больших и малых событиях, происшедших после работы. Оказывается, подруга Гульнары, чтобы избежать ранних морщинок, обратилась к какому-то старинному методу по уходу за кожей лица. Шахназ же со смехом пополам рассказала, как ее свекровь вчера справляла свое шестидесятилетие. Кто-то, оказывается, додумался преподнести ей в подарок туфли на высоких каблуках. Старушке сразу захотелось надеть их и походить часок-другой. Но не сделав и пяти шагов, она упала и вывихнула себе ногу...

Вскоре собираются уже шесть женщин. Все они обнимаются, целуются. И комната напоминает весенний сад, где много-много разноголосых птиц. Когда вновь начинается передача «последних известий», я принимаюсь шелкать костяшками счетов уже двумя пальцами. Но сколько бы раз не прибавлял к восемнадцати еще столько же, все равно у меня получается только сорок шесть. Не больше, не меньше.

Через полчаса кончается «местный обзор». Все расходится по своим рабочим местам. Крутятся ручки арифмометров, стучит пишущая машинка. Проходит минут двадцать. Вдруг слышится легкий смешок Диляры. Я моментально достаю носовой платок, провожу им по лицу. Многозначительно кашляет Сайяра. Я сразу же проверяю наличие и состояние всех пуговиц. Слава богу, все в порядке... Проходит примерно еще четверть часа. На этот раз балаболка Гульнара задает вопрос:

— Хасият,— спрашивает она, не отрываясь от ра-

боты,— ты не знаешь, почему у женщин не растет борода?

Вот до чего противный народ эти женщины — все хотят знать!

— Я бы ответила, но стесняюсь Рахматиллу-ака,— смеется Хасият.

Как и подобает порядочному мужчине, я делаю вид, что ничего не слышу. Но женщины не отстают от меня.

— Рахматилла-ака, вышли бы покурить, а?— дипломатично предлагает Латифа.

А мне как раз курить не хочется, а хочется узнать этот маленький секрет.

— Некогда курить,— отвечаю я строго.— Работы по горло.

Женщины готовы встать на колени.

— Ради бога, милый Рахматилла-ака, идите покурите, заодно свежим воздухом подышите. Уж очень нам хочется вдоволь посмеяться.

Я капитулирую. Только успеваю закрыть за собой дверь, уже слышится смех силой примерно в четыре балла.

В общем, я сильно подружился с женщинами. В полдник все угощают меня разными сладостями. Я уже привык, что кекс пахнет духами «Красная Москва», а печенье должно иметь тонкий слой пудры. Часто вместе обедаем в столовой. На улицах я важно шагаю с ними в ногу.

Победав, следуем в магазины. Пока они толпятся в галантерейном отделе, я курю.

Вернувшись на работу, мои прекрасные женщины не торопятся продолжать прерванное дело. Они горят желанием быстрее надеть и примерить только что купленные вещи. Но я мешаю им, так как я не отрываю от них глаз. Наверное, им неудобно еще раз выгонять меня на улицу, поэтому ставят кого-то у дверей, а мне говорят:

— Рахматилла-ака, вы уже свой человек. Отвернитесь, пожалуйста. Примерка займет не больше двадцати минут.

Так и поступаю. Спустя две минуты комната напоминает гудящий улей. Я механически продолжаю стучать костяшками. Но так как в голове совсем другие мысли, сколько бы ни умножал двадцать пять на двадцать пять, у меня постоянно выходит семьсот двадцать пять.

Как раз в такое время в комнату заходит Максудапа — директор Дома моделей.

— Да что это такое! — нарочито обиженным голосом восклицает она. — Кто же из вас, негодниц, так обидел мужа нашей Зухры, что он сидит, отвернувшись от прекрасного мира?

Диляра ей «разъясняет»:

— Имели неосторожность сказать, что он много шмыгает носом, вот и обиделся на нас.

Конечно, шутка шуткой, однако не следует забывать, что в каждой шутке есть доля правды. Кто-то подсчитал на счетах, сколько раз я шмыгаю носом, и получилась солидная цифра. Конечно, это было намного больше нормы. Намек Диляры мною был принят беспрекословно и с большой благодарностью за заботу о моем престиже.

Дед мой, благослови его небеса, говорил, что если человека постоянно окружают цветы, то он, сам того не замечая, становится все милее, и что даже цвет лица меняется. Вот уже сорок дней я работаю среди женщин. И незаметно для себя, оказывается, усвоил множество женских привычек. Например, когда держу пиалашку, почему-то напоказ выставляю мизинец. Когда смеюсь — закрываю рот ладошкой. Про питье и курение вообще позабыл. Походка — легкая, плавная. Научился раскачивать бедрами. Талию стараюсь сохранить. Даже когда поднимаюсь со стула, привычным

движением поправляю... брюки сзади. А дома участились скандалы с женой. Из-за места у трюмо, конечно. Однажды во время очередного такого скандала она спросила:

— Ты знаешь разницу между мужчиной и женщиной?

— Разумеется,— ответил я и, насколько знал, объяснил ей эту самую разницу.— Женщина — это и есть женщина. И из нее никогда не получится мужчина. И наоборот.

— Ошибаешься!— отрезала она.— Из мужчины, оказывается, может получиться женщина. За примером не будем далеко ходить — он передо мной. Да, да; я тебя имею в виду. У тебя не осталось ни гордости мужской, ни решительности. Даже лицо твое смахивает на женское. В этом ты можешь легко убедиться, взглянув в зеркало.

Действительно, из зеркала на меня смотрело лицо с красненькими щечками и стыдливо опущенными глазами.

— Что же мне теперь делать?— спросил я, от смятения еще больше потупив глаза.

Этого-то и надо было моей жене.

— Вот видишь,— сказала она.— Даже своего мнения у тебя нет. А выход один — пойдешь работать на завод! Мужчина должен заниматься мужским делом.

На другой день я уволился из Дома моделей. На прощание женщины организовали маленькое пиршество. Пью с ними сухое вино, а сам думаю: «Фу, какая гадость! Как же мужчины водку-то пьют?»

— Рахматилла-ака, заходите к нам, побалакаем о том да о сем,— хором просят мои женщины.

— Как же не зайду, голубки вы мои милые,— расстроганно отвечаю я...

Сейчас работаю на заводе. Пока что тренируюсь

шагать по-мужски. Боюсь, что скоро опять научусь и курить, и пить. Конечно, не без помощи старых друзей.

ПРЕЛЕСТЬ МОЯ

Ассалам алейкум, дорогие товарищи! Наверное, вы не раз слышали обо мне, старом дедушке Гулмат-бобо. Много лет назад в одной большой газете напечатали мою фотографию. Вспомнили? Ну, вот..

Фотография — дело прошлое, а сейчас я уже восьмой десяток разменял.

Сорок лет в колхозе табунщиком проработал. Конечно, меня еще на 10—15 лет хватило бы, но районное начальство по-другому рассудило.

— Большое Вам спасибо, отец. Хорошо потрудились. Пора уж молодым передать свою знаменитую плетку.

Поначалу я хотел сказать «нет». Но прикинул то, другое и решил: «А ведь они правы! Чего уж там говорить — старость есть старость, а молодость есть молодость! Мы, старнки, пока свое «бисмилла» протянем, иной джигит ястребом в седло взлетит и за сотню верст умчится». В общем, подумал-подумал и сказал: «Ладно!» Теперь, как говорит радио, наслаждаюсь спокойной старостью.

Но дело ведь совсем не в этом, дорогие мои. Если вас интересует, о чем пойдет разговор, то, не скрывая, скажу: хочу поведать в нескольких словах о своей заветной мечте.

...С вашей тетушкой, матерью моих детей, мы вот уже сорок пять лет вместе живем. И за все это время я ни разу ни в какие пререкания с нею не вступал. Что бы она ни затеяла, всегда говорил: «Ты права!» Но теперь что-то не ладится у нас.

Или я не в меру обидчивым стал, или у вашей те-

тушки язык в жало превратился... Впрочем, если говорить по правде, то она и в девушках по этой части не была обижена богом. Был у нас хороший обычай в то время: любили мы песенные состязания устраивать. Уж тут она была первой! Бывало, так отхлещет в частушке какого-нибудь хвастливого ухажера — хоть на глаза людям не показывайся. Эти частушки и мне сослужили недобрую службу — я и не заметил, как из слушателя в жениха превратился...

Короче говоря, из-за этой вашей тетушки я теперь и носа не смею показать на улице. Стоит появиться, как начинается: «Эй, Гулмат, твоя пери еще жива?!» или «В магазин привезли коляску самого Вельзевула, не приобретешь ли ты ее для своей старухи?» Насмешки сыплются со всех сторон, но что я могу сделать — только смеюсь. А вспомню о проделках моей дражайшей женушки — во всех семидесяти двух суставах ломота начинается.

Сейчас уже не припомню точно, когда это случилось. То ли до сезона дынь или уже после... В общем, в нашем кишлаке пошли разговоры, что будут электричество проводить. Возвратился я с поля, раздеваюсь... Тут влетает моя женушка. Ни «здравствуй» нет, даже на мое приветствие не ответила... Кричит:

— Послушай, отец, достань мне где-нибудь 20—30 метров проволоки?

— Что ты собираешься делать с этой проволокой?

— Электричество хочу провести!

«Это уже не твоя забота! — говорю я ей. — Со свечой состарилась, так что потерпишь!» Только я это проговорил, как понял, что накликал на свою бедную головушку сто бед! «Темнота, ну и темнота! — закричала она. — Нет уж, довольно с меня. Я тридцать два зуба потеряла прежде, чем привела ваш дом в порядок. Вы о себе беспокойтесь, а я уж о себе сама позабочусь». В народе говорят: «Только владелец знает по-

вадки своей лошади». Слава богу, что я вовремя вспомнил эту поговорку. Если сейчас сказать ей «нет», сядет, обнимет свои колени, и в рев. Что мне делать — согласился. Отправился к друзьям. В общем, с превеликим трудом достал десять метров. Притащил старухе, а сам уехал... Спустя несколько дней приезжаю домой, а она, срубив все мои деревья, что росли у арыка, столбы установила на улице. В каждой комнате — по лампочке. Сидит моя старуха, блаженствует, окруженная сияющим нимбом... Я вздохнул — уж очень жалко было погубленных деревьев. Но я крепко сжал зубы.

Поужинали. Она ходит вокруг, словно тайной какой-то владеет. Я забеспокоился. Тут ваша тетушка на иншу показывает. Спрашиваю: «А что с лишей стряслось?» «Не видишь? Словно у вдовы пусто!» «Сундук поставь», — посоветовал я. «И без тебя знаю про сундук. Только не подходит он сюда». «Чего же ты хочешь? Скажи — найдем!» «Телевизор».

«Я сам для тебя телевизор!» — попробовал отшутиться я. Хлоп. Капкан захлопнулся. Старуха в мгновение ока, как будто сухая щепка, воспламенилась: «Благодарн бога, что я столько лет тебя терплю... Другая уже давно бы плюнула в глаза!»

«Во-во, только это и осталось», — проговорил я.

В это время вошла сноха. Ну, думаю, ни к чему знать невестке о том, какие я здесь муки терплю. С большим трудом уговорил, умилиствовал свою старуху. Влез в долги, но телевизор купил...

Наша телевизионная баталия — это ерунда... В прошлом году в самые холода сильно заболела младшенькая внучка. Долго ли малышке заболеть: выбежала на улицу босиком... Температура поднялась у девочки.

Я места себе не находил:

— Надо бы позвать суфи Кулмата. Пусть почитает.

— Нет, — сказала старуха, — помереть мне, если допущу его сюда.

— Интересно, а что же ты будешь делать?

— Позову дохтура.

— Твой дохтур пока придет, Кулмат-суфи успеет сур¹ прочитать. Это вреда не принесет,— и я отправился за суфи.

Кулмат идти не соглашался, пришлось уламывать, упрасивать. Приходим — ни старухи, ни ребенка... Вхожу в одну комнату, в другую — нет! Потом уже соседка сказала, что жена моя девочку к доктору понесла. Как я тогда сквозь землю не провалился от стыда перед Кулматом — не знаю! Что он обо мне подумал?

В полдень старуха вернулась. Уложила девочку, а сама — ко мне. Ругается, кричит. Я и так и сяк, говорю, что среди людей живем, надо со всеми связь поддерживать. А она: «Если ты нуждаешься в услугах суфи, то мне он совершенно не нужен. Связь с ним сам и поддерживай. Пусть он твой разум полечит!»

Вы, наверное, подумали, что ваша тетушка детей своих любит, потому и переживает так. Она и внуков-то не любит... Терпеть их не может!

Вот вам пример, пожалуйста. У нас есть еще две внучки. Они в Ташкенте, учатся в какой-то большой школе. И она сама их туда отправила. Я с самого начала говорил: пусть у нас в родном краю учатся, девочкам и так учеба не очень-то нужна! Не послушалась, уперлась — и все тут... «Пусть учатся, а там видно будет — может, и в аспирантуру попадут. Будет кому мои больные ноженьки лечить!» — вот такие у нее рассуждения. Поехали, бедняжки, учиться. Каждый год, когда поспевают яблоки, приезжают. Отдыхают по три месяца. Но и тут ваша тетушка, одержимая своим характером, так и гоняет их. «Гулай! Немедленно приведи себя в порядок! Что это за башня у тебя на голове?!» «Назик, веник надо держать в правой руке!» «Гу-

---

¹ С у р а — глава из корана.

лай, пойдн переоденься,— что-то платье слишком коротко...»

Прелесть, а не старуха. И когда ты успокоишься, наконец? «Да не все ли равно тебе, что за прическу они носят и какой длины у них платье. Их время пришло. Сиди уж на своей курпаче и молчи». «Давай, давай, поговори! Ты бы и глазом не моргнул, если бы они надумали подстричься. Наоборот — сам бы ножницы поднес!»— кричит жена мне в ответ. «По-твоему — им сорок косичек носить надо бы!»— смеюсь я в ответ... «И заплетут, вот увидишь — дожить бы мне только до этого дня!»— заставлю заплести...»

Слышали? Нет, с этой старухой и божьему праведнику не выдержат, а я один с ней воюю.

Третьего дня совсем опозорила меня... Сижу я перед домом. Гляжу, идет цыганка — самая настоящая. Я ей и говорю: «Зайди сюда, доченька, скажи, сколько еще годков аллах старухе моей отмерил?» Только цыганка стала свое пророчество вещать, откуда ни возмись — ваша тетушка: «Вот не знала, что ты так обо мне беспокоишься. Слава богу, я пока еще от цыганок не завишу!» Думаете, она это просто сказала, нет — кричала на весь кишлак.

— Не шуми, старая,— говорю я ей,— я ведь просто хотел узнать, сколько нам еще вместе осталось прожить!

Тут уж она прилипла ко мне по-настоящему!

— Умирать не собираюсь! Я еще свадьбы внуков увижу! И если бог того пожелает, похороню вас сама — по всем правилам.

Обманом и уговорами вывел я цыганку из дома. Дал ей рубль так, чтобы старуха не видела. А она все успокоиться не может.

— Вместо того чтобы цыганок подкарауливать, лучше бы в магазин сходил,— крикливо приказала она,— пылесосы привезли. Купи один!

— Пылесос?!

— Да, пылесос. Невестка наша целыми днями на работе. А у меня поясница уже не та стала, чтобы гнуться по сто раз на день! Шутка ли — восемь комнат!

Я сопротивлялся:

— Ничего. мать. тебе и веник хорош! Все твои предки до седьмого колена им пользовались.

Женушка моя вспыхнула по-настоящему:

— В таком случае, придется тебе наш приусадебный участок дедовской сохой обрабатывать!

— Да при чем тут соха! — засмеялся я. — Для этого есть колхозный трактор!

— Вот так-так! — воскликнула она.

В общем, если я скажу — черное, она обязательно говорит — белое, если я — белое, она — черное!

В магазин я все-таки пошел.

Прихожу, а пылесосов-то и в помине нет. Кончились! «Попал я в историю!» — подумал я про себя. Но делать нечего — вернулся домой.

У старухи рот никак не закрывается. Дод! Немедленно достань пылесос! А что мне делать?! В народе говорят, что посеешь, то и пожнешь! С утра собираюсь в город поехать. Попробую начальство упросить: мол, найдите Гулмату-бобо один пылесос. Может, помогут, а?

Вот такие у меня заботы-хлопоты. А вас хочу попросить об одном — напечатайте где-нибудь в уголке газеты мою просьбу. Указали бы имя моей старухи (ее зовут Джамия, а в махалле Длинной тетушкой кличут). Мол, эй, тетушка Джамия, поменьше мучайте старого Гулмата, старик еще пригодится вам! Но об одном особо попрошу вас: если ругать будете, то не очень задевайте ее. Она — неплохой человек. Восьмерых детей родила.

С нетерпением жду вестей от вас, дорогие. Боллив я стал, старею...

С вашего позволения — ваш Гулмат-бобо.

СТАРУХОВОЗ

Пожалуйста, не сочувствуйте. Меня это прозвище нисколько не обижает. Прозвали Старуховозом, ну и прозвали. Спрашиваете, почему? А я вам сейчас объясню.

Работаю я в колхозе шофером, вожу на станцию молоко. Если случается встретить по пути какую старуху, обязательно подвезу. Эту мою слабость все товарищи знают.

— Любят тебя старухи,— говорят они.

Как-то раз оставил я свою машину на ночь у ворот и увидел наутро надпись на цистерне, выведенную мелом — «Перевозка молока и старух». Конечно, быстренько стер эту глупость, только ее до меня многие успели прочесть. Так и стал я старуховозом. Но я в этом ничего обидного не вижу, ведь по правде говоря, я очень люблю слушать разговоры старых женщин. Поэтому, как только увижу на дороге «голосующую» старушку, сразу останавливаюсь. А встречаются они часто, даже очень. Одна с узлом плетется, у другой поднос с гостинцами.

Однажды сразу двух встретил. Открываю дверцу кабины, а они обе лезут. Нельзя, говорю, двоим в кабину.

— Ничего, сынок, мы худенькие.

— А если инспектор?

Но они уже устроились уютненько, сложили свои узелочки и сидят, как две птахи. Делать нечего — поехал. И, конечно, напоролся на автоинспектора. Мои старушки втянули головы в плечи и притихли. Долго он меня распекал, хорошо еще, что я отделался небольшим штрафом.

Возвращаюсь к своим старушкам, а они спрашивают:

— Ну что? Что он говорил? Не ругал?

— Ругать не ругал,— отвечаю,— а приказал три месяца за руль не садится.

— Ну и слава богу,— обрадовались они.— Ты согласился? Нет? Ну и зря. Отдохнул бы три месяца.

Другой раз ехал со станции. Осенью дело было, темно уже, дождик накрапывал. На повороте заметил старуху.

— Бог в помощь,— говорю, помогая влезть ей в кабину.

— Бог-то бог, да нет уж ног,— отвечает она мне.

— Что же случилось?

— Есть у меня подруга. Еще девушками дружили. Вот от любви к подруге и кряхчу от натуги.

Смешная такая бабка. Стихами говорит.

— Ну, а что все-таки произошло?

— Да отмечает она именины своей внучки. Вынь да положи ей Офтобхон, это меня, значит. Без нее, говорит, какой праздник. Вот и ползу поздравлять егозу.

Приятная такая старушка. Потом она начала меня расспрашивать.

— Пригожий ты парень,— говорит.— Сколько же тебе лет?

— Двадцать пять,— отвечаю.

— Э-э, много. Жениться пора. Родители, слава богу, живы-здоровы?

— Маму три года назад схоронил.

— Ох, горький ты бедняга!— запричитала она.— Господи, не жаль тебе савана на нас, грешных. А что, если отец приведет в дом мачеху? Спаси и помилуй бог. Мачеха — всегда мачеха.

И она затянула жалобным голосом:

Мигает звездочка луне,
То выглянет, то спрячется.
Когда умру я, обо мне
Ужель заплачет мачеха?

Что может плакать мачеха,
Не верится, не верится.
Скорей без ветра мельница
Завертится, завертится.

А назавтра у меня была уже другая пассажирка. Эта была в гостях у сына Внука повидать ездила.

— Здоровенький, кудрявый, как ягненок. А сын умный, серьезный, только мягкий слишком, слабохарактерный.

О невестке ни слова.

Видя это, я спросил:

— А невестка у вас хорошая?

— Все они одинаковы. Не вороши пчелиный улей — пчела и не ужалит. Недаром в старину говорили: невестка песочек припасла, дочка — щипки.

— Что же это значит?

— А то, что в давние времена жила-была старуха. Вот как я. И был у нее сын — вроде тебя: стройный, чернявый. А еще дочка была, красавица, как луна на четырнадцатый день. Напрягла старуха последние силенки, женила сына, пристроила дочь за хорошего человека. Легко ли? Ну и стала жить. День у сына, два у дочери. Приходит к сыну, а невестка в суп ей песочку подсыпает. Что же мать? Молча ест, чтобы не ссорить сына с женой.

Приходит к дочери, а та сажает ее за стол и тихонько щиплет:

— Не ешь много, а то зять подумает, что теща обжора. Вот и говорят добрые люди: «Невестка песочек припасла, дочка — щипки». Понял? Ну, если понял, останови машину вон у того дерева.

Сказала она, взяла свой узелок и стала меня благославлять — желать всякого счастья. Да так долго, что за моей машиной целый хвост транспорта собрался. Шоферы сигналият, волнуются, а она никак не кончит. Прерывать как-то неловко. Наконец я услышал последнее

пожелание: «Пошли тебе бог красавицу невесту, краше ясного месяца». Еще ни одна не забыла мне невесту пожелать. И непременно красавицу.

Но я вам еще главного не сказал. У меня девушка есть. Из нашего кишлака. Спел я ей раз куплетик, услышанный мной у какой-то старушки, а ее это почему-то разозлило.

— Ступайте вы к своим старухам,— говорит.— Может, они и сыщут вам невесту.

Повернулась и ушла. Удивился я этому очень. Видано ли, парня к старухам приревновать? Но я ничего не стал ей говорить, ходил как ни в чем не бывало. Скоро и у нее само собой все прошло.

Вот такие-то дела, приятель... Ну, мне пора. Заждались, наверное, меня мои старушки. С автобусами сейчас туго.

ЖИЛИ-БЫЛИ СТАРИК СО СТАРУХОЙ...

После завтрака Кулмат-ата прилег с книгой Хондамира¹ и углубился в чтение. Его старуха, Бану, прибиралась в комнате и привычно ворчала:

— Время уже к полудню, а вы все лежите на боку — палец о палец не ударили. Пошли бы на виноградник взглянули; срам ведь один — кусты, что нечесаные космы у неряхи.

Кулмат-ата со стоном поднялся и сел. Потом снял очки и, подслеповато щурясь, назидательно заметил:

— Я вот, в отличие от тебя, думаю, каково нам на том свете будет? Сама безграмотная, так мне бы не мешала!

---

¹ Хондамир — современник Алишера Навои и автор книги о великом поэте.

«Возьму да и уеду к дочке в Ташкент,— мстительно подумал старик.— Стенам будешь нотации читать», Который год мысленно пугал он этим старуху.

— И что у тебя за привычка такая?— продолжал старик.— Только сяду за коран, начинаешь: сходи туда, сделай то. Послушай-ка лучше, что сказано в священном писании.

Он снова надел очки и протяжно, нараспев стал читать. Старуха присела рядышком и, подперев рукой сухонький подбородок, закатила глаза—коран все ж. Помахивая в такт указательным пальцем, Кулмат-ата прочел двустиишие почтенного Навои:

В молодости не разбирал, что в пользу, что во вред.
А когда разобрался, не было уже во мне сил.—

и вопросительно посмотрел на жену:— Поняла?

— Не-ет,— вздохнула та и боязливо спросила:— А что это значит, отец?

— Что значит?— старик хитро улыбнулся.— Это значит: плохая жена все равно что плеть шайтана.

Старуха вскочила с места, точно ужаленная.

— Это я-то плохая?— завелась она с пол-оборота.— А кто же тогда столько лет направлял вас по правильному пути? Кто сделал из вас ученого человека? Да-да, та самая плохая жена!— Бану ударила маленьким кулаком себя в грудь.

Старик, закрыв книгу, поднялся.

Сгорбясь, он вышел во двор и посмотрел на небо. Солнце повисло над верхушкой тополя у ворот; от его нежных и ласковых лучей неодолимо клонило ко сну. Вмиг на старика нашла такая лень, такая истома... «Боже мой,— пробормотал он и тяжело вздохнул.— Дожил на старости лет, что игрушкой стал в руках у старухи. Прикажет встать — встаешь, лечь — ложишься. Боже мой!..»

Он подошел к тутовнику, взял вставленный между

ветками секатор и нехотя поплелся в сторону виноградника. Обойдя несколько раз один и тот же дикий куст, он срезал его под корень, а за ним еще три-четыре отростка. Притомившись, потрогал занывшую поясницу и сел на межу. Ахая да охая, просидел он до прихода старухи, а едва ее завидел, вскочил и, опережая возможные попреки, начал жаловаться на боль в пояснице.

— Поработайте, пропотейте как следует — все как рукой снимет, — пообещала старуха. — А вечером приложу вам горячих отрубей... Да, что на обед сготовить?

«Да хоть яду», — подумал старик.

— Как знаешь, — сказал он, пожимая плечами. — Меня так и нарыш устроит.

Старуха заулыбалась. Глядя на смешливое лицо Бану, ее шустрые черные, как угольки, глазки, старик тоже не утерпел — рассмеялся, раскрыв свой щербатый рот.

— Неужели? — ириво, будто бы забыв про годы, сказала старуха. — Сноха в поле, внуки подол не отпускают — шагу ступить не дают; с ними только нарыш и готовить. Сварю-ка я шурпу, да и ешьте на здоровье.

Она пошла обратно, шлепая старыми калошами.

— Эй, пери! Побольше мяса клади!

Старуха шла дальше, не реагируя.

— Ты слышишь?!

— Слышу-слышу, отец, — небрежно отвечала «перя».

Отчего-то светло сделалось на душе старика, и улыбка тронула его морщинистое лицо. Подняв с земли секатор, он с удвоенной энергией принялся за работу.

Так и день пролетел. К вечеру Кулмат-ата, отряхивая пыль с одежды, вошел в ворота и сразу же усталость накатила, еле-еле до айвана добрался.

— Дедушка! От тети Джухон письмо! — Размахивая конвертом, бежал по двору его внук Хаятжон. — Вот оно!

Старик улыбнулся. «Ну, слава богу,— подумал он.— Не зря я, видно, вспоминал утром Ташкент. Самому богу угодно, чтоб я туда наведалься».

Он погладил внука по темечку и, кряхтя, взобрался на айван. Тут как тут очутилась и услышавшая про письмо старуха.

— Прочитай, сынок, что она там пишет,— попросил Кулмат-ата.

«Здравствуйте папа и мама...»

— Здравствуй, дочка,— машинально отозвался старик.— Продолжай, сынок, продолжай...

«Папа, как вы поживаете?— читал Хаятжон с выражением,— не устаете ли? Как мамино самочувствие?»

— Мать твоя, как пуля из винтовки,— снова не удержался Кулмат-ата. Бану, напротив, хмурилась, а после этих слов и вовсе отвернулась.

«Папа, приезжайте, пожалуйста. Мы очень по вас соскучились. Дети покоя не дают: когда же придет наш дедушка? И маму привезите, если есть у нее время».

Старика обрадовало персональное приглашение.

— Ну как, есть у тебя время?— спросил он у старухи с усмешкой.

— Езжайте сами к своей любимице, раз она вас зовет,— обиженно проговорила та.— Мне и тут есть чем заняться.

Старик понял, что она обиделась на дочь. Если бы Джахон написала: «обязательно привезите с собой маму», так нет: «если есть у нее время». Знает же, что матери не на кого сейчас дом оставить. Могла бы и не напоминать.

— Ничего,— сказал старик,— поеду один. А если мне у них понравится, вызову и тебя телеграммой.

Старуха промолчала. Кулмат-ата не стал выяснять: согласна она с ним или нет.

Весь следующий день он потратил на сборы, а еще

через день приехал в Ташкент. На вокзале его встречали дочь с зятем и внуками. В общем, все семейство.

Переодевшись и закусив с дороги, Кулмат-ата поспешил в город, который не видел со времен ташкентского землетрясения, а старший внук, семнадцатилетний Бахтияр, взялся сопровождать его в качестве гида.

Город пришелся старику по вкусу. Широкие проспекты — из конца в конец идти не дойти — и уютные скверики; радующие глаза цветники и фонтаны, переливающиеся всеми цветами радуги. Особенно понразилась ему узбекская чайхана с голубыми куполами. Ее узорчатые оконца, резные потолки, паласы цвета алых маков, халва и пашмак на подносах — все, как в дивной сказке.

— Сынок, скажи, кто создал это чудо?— спросил старик, не отрывая от убранства чайханы своего восхищенного взгляда.

— Архитектор,— ответил Бахтияр, выбрав ответ что попроще.

Старик решил, что имя человека, соорудившего такую красоту, Архитектор, и про себя помолился за его здоровье.

Минула неделя. Где только не побывал старик за это время! Но незаметно подкралась к нему тоска по дому и скукой повеяло от всех городских достопримечательностей.

На восьмой день за завтраком он вдруг вспомнил о винограднике.

— Вы, папа, напрасно беспокоитесь. Неужто вам не помогут?— стала успокаивать его Джахон, мигом смекнув, что отец намерен уехать.

— Нет, не помогут — горестно вздохнул старик.— Брат твой на севе хлопчатника. Он, бедняга, уходит чуть свет и приходит затемно...

— Ну, побудьте еще немножко,— попросила дочь.—

Ведь вы у нас такой редкий гость.— Но тот лишь упрямо покачал головой.

В обед он снова затеял разговор о доме.

— Купил я недавно телочку — хорошую, породистую,— похвалился Кулмат-ата.— Но упрямая, сил нет. Так и норовит убежать с привязи. Мать уж, верно, совсем с ней замучилась.

— Ничего, соседи присмотрят,— сказала Джахон.— А может быть, вы по маме соскучились? Так мы ее вызовем.

— Э-э, нужна она мне больно,— махнул старик рукой, хотя его душа горячо желала приезда Бану. «Неужели неясно? Вызывать, да поскорей!»

Вечером Бахтияр силком потащил деда на концерт. Старик равнодушно взирал на людей, сидящих в зале, и на артистов, попеременно сменявших друг друга на сцене. В середине второго отделения ведущая объявила шуточную песню «Моя старушка». На сцене появился толстощекий артист с дутаром и, тронув струны, запел:

Жизнь твоя в прошлом была
унижений полна, моя
старушка.
Носила тогда ты платье
из бязи
в полоску, моя старушка.

Старик словно ожил. Прищурясь, он даже подался чуть вперед. Певец склонился к инструменту и с настроением пробежался пальцами по его тонкому грифу. Потом с дежурной артистической улыбкой продолжил:

В сырой землянке мы жили
и гнула ты нежную спину, моя старушка.
Места иного, кроме тандыра,
не знала, моя старушка.

Зал одобрительно загудел, а старик даже не улыбнулся. Ему было сейчас не до смеха: шуточная песенка подняла в нем теплые чувства. Погрузившись в мир песни, он не видел уже ни певца, ни окружающих; ему казалось, что чей-то неведомый голос поет о нелегкой жизни, которую прожили они вместе с Бану. И в памяти отчетливо проступало полное печали лицо его старушки.

... из-за нашей тяжелой нужды
не любила гостей, моя
старушка.

Старик часто заморгал и незаметно смахнул набравшие слезы. Он снова сосредоточенно глядел на певца, который задушевно вытягивал заключительный куплет о счастливой поре, наступившей в жизни старушки...

И вдруг сцена куда-то исчезла и перед глазами старика возник его двор: старуха с новым эмалированным ведром идет-бредет за водой. Вот она уже у арыка, нагнулась зачерпнуть воды... «Осторожней!— мысленно восклицает Кулмат-ата, замечая криво положенный камень, на который встала Бану.— Не упади!.. Давно бы надо подправить ступеньку, да все руки не доходят. Вот, дай бог, приеду, обязательно сделаю все как положено».

Окончился концерт, и дед с внуком вышли на улицу. Там их встретил ласковый весенний вечер. По обеим сторонам улицы тихо шелестели листвою стройные тополя. В густой кроне деревьев мелькали звезды, рассыпанные по небу, словно жемчужины с ожерелья. Но старик мрачно шагал, глядя исключительно под ноги, и не понять было: с концерта он идет или с похорон.

И в трамвае он сидел, насулясь и молча, как воды в рот набрал. За окном мчались, мигая фарами, автомобили, которые старик провожал безучастным взгля-

дом. Удивленный столь резкой переменой в настроении обычно балагуристого деда, Бахтияр и не пытался его разговорить.

— С дедом что-то неладное творится,— сообщил он матери, придя домой.— На концерте скучал, а после и вовсе спик. Может, он болен?

Джахон подошла к отцу, снимавшему у порога голубой чапан и, ласково заглядывая ему в глаза, спросила:

— Как вам понравился концерт? Бахтияр говорит, что было очень интересно.

— Приготовь мои вещи,— пряча глаза, пробурчал в ответ старик.— Бог даст, завтра уеду.

— Вай!— всплеснула руками Джахон.— Мы же телеграфировали маме. Она со дня на день придет.

Старик молча вышел во двор.

На другой день Кулмат-ата проснулся с первыми петухами и выглянул в окно. Джахон подметала двор с утра пораньше. «Кажется, я обидел ее вчера,— засовестился старик.— Надо бы объяснить ей что к чему». Он повторил в памяти придуманную перед сном причину своего срочного отъезда и решил не медлить.

Как только Джахон поставила перед сидящим на айване отцом кипящий самовар, старик задержал ее рассказом о приснившемся (да простим ему эту маленькую уловку!):

— Видел я сегодня дурной сон, дитя мое. Будто рухнула стена в большой комнате. Я гляжу на нее и диву даюсь: ведь недавно заново кладку делал. Тут твой брат прибегает весь в слезах. Слава богу проснулся, не доглядел до конца...

— Не приведи господь,— беспокойно промолвила побледневшая Джахон.— Чего только человеку не снится! Пейте чай, папа.

Старик почувствовал, что попал в точку и теперь уж его не станут удерживать.

— Первый раз в жизни снятся такие кошмары,— озабоченно проговорил он и потянулся за пиалой.— Как бы там чего-нибудь с матерью не стряслось. Уж лучше я поеду, доченька.

После обеда Кулмат-ата отбыл в родной кишлак. ...Бану, проводив мужа к его любимице, была уверена, что отдохнет от него немного; ворчит-ворчит на старого, а тому что в лоб, что по лбу. Но всего через пару дней она почувствовала, как недостает ей «плешивого». Заходила она из угла в угол, не находя себе места.

Никогда Кулмат-ата не отсутствовал так долго. Как бы далеко ни пролегли его пути, двумя днями позже он, как штык, был дома, а что касается Ташкента, то туда они уезжали обычно вдвоем. Без малого сорок лет прожили старик со старухой, и жизни друг без друга не мыслили. Говоря же словами одного писателя, они так привыкли к легким взаимным уколам, что, лишившись ежедневной практики, старуха пребывала явно не в своей тарелке.

Шутка ли, вторая неделя пошла, как от старика не было ни слуху ни духу.

Сама того не замечая, Бану наэлектризовывалась все больше и больше: то из-за пустяка на шумит на внуков, то скотину ни за что обругает. «Задержался что-то отец,— заметила в один из долгих и скучных вечеров сноха.— Может быть, вы сами поедете в город? А я день-другой дома посижу, за хозяйством присмотрю».

Старухе приятно было услышать такие слова: сказать по правде, ее так и подмывало отправиться следом за мужем, да гордость не позволяла. Благо, назавтра пришла от дочки телеграмма с приглашением, и Бану, собравшись на скорую руку, укатила в Ташкент.

Судьбе было угодно, чтобы старики разминулись. Теперь уж старик оказался в роли ожидающего.

«Сидела б дома, карга беззубая,— ворчал он себе под нос.— Так нет, понесло в Ташкент».

Со следующего дня старик обосновался в чайхане. Там он брал чайник с чаем и, слушая вполуха стариковские разговоры, медленно пил пиалу за пиалой. Взгляд его при этом был прикован к автобусной остановке. Он соскакивал с места даже в момент появления легковых машин, вполне допуская, что кто-то подбросит по пути его старуху. Ну а стоило подъехать рейсовому автобусу, Кулмат-ата вставал и, поигрывая палкой, которую носил с собой просто так, подходил к остановке и спрашивал у знакомых: не встречалась ли им его старуха.

На четвертый день, увидев тот самый автобус, старик бодро зашагал к остановке с каким-то необычным предчувствием, что приехала. С трудом переводя дыхание, он смотрел, как выходили из автобуса пассажиры. Но вот бабочкой спорхнула вниз молоденькая девушка, а следом показалась Бану со съехавшим набок платком. Старик засмеялся, широко разевая беззубый рот:

— Ну что, приехала, пери?

Старуха, опираясь о колени, тяжело сошла на землю и знакомым до самых мельчайших оттенков тоном проговорила:

— Чего стоите, разинув рот? Идите за чемоданом!

И старик, будто семнадцатилетний юноша, юркнул в автобус.

ХОТЯ ЧУДЕС НЕ БЫВАЕТ...

— Ну, хорошо, ну, ругают все землетрясение, а проклинать-то зачем? Я, например, дурного слова о нем сказать не могу.

— Простите, не понимаю...

— По точным подсчетам наших уважаемых ученых, до сегодняшнего дня земля сотрясалась тысячи раз.

Ну, а я, чтобы не соврать, почувствовал всего пять, может, шесть сильных толчков. Понятно, ощущение не из приятных, и сердце, естественно, на мгновение замирает.

Мама в такие минуты тихо шепчет: «Сократи-ка свой век, стихия». И я вполне с мамой согласен. А проклинать, негодовать... Нет, не могу. И вот послушайте почему.

Я заканчиваю институт. Буду инженером. Строителем. Да и если верить маме, я уже «совершенно самостоятельный человек». «Диплом,— говорит мама,— это приятно, но ведь мне, твоей матери, и кое-что другое в доме нужно». На мамином языке это значит, что мне нужна жена, а ей — невестка. Сами понимаете, с мамой спорить трудно.

Но не могу же я подойти к девушке и сказать ей, что моей маме нужна невестка. Я понимаю ваш вопрос — неужто за пять лет ни одна девушка не задела моего сердца.

Задела. Да еще как. Два года назад я познакомился с ней на хлопке. Она из Хорезма, из дальнего кишлака. Зовут — Арзухон. Удивительно еще и то, что у нее, как и у меня, только старушка-мать.

Совершенно случайно мы оказались с ней рядом на хлопковом поле. И так уже до конца собирали хлопок вместе. Вернулись из колхоза, и стал я разъезжать в

третьем номере трамвая. Чуть свободная минута — спешу на химфак. Хожу по коридорам, заглядываю в аудитории — только увидеть ее разок и назад. Так и прошла зима в путешествиях на трамвае. А Арзухон я видел все реже. Однажды я расхрабрился и пошел к ее общежитию, что напротив завода. Сошел с троллейбуса и стою себе поглядываю на широкую желтую дверь — вдруг выйдет, скажет мне что-нибудь своим певучим голосом, взмахнет ресницами...

Да нет, что-то не видно ее. Подошел я к зданию завода и тяжело опустился на скамейку. Взгляд мой прикован, понятно, к окнам третьего этажа. А там уже и огоньки зажигаются, в окнах этих: один, второй, а вот еще. Не в ее ли это комнате?

— Считаете? — раздался рядом звонкий голос, — сколько насчитали?

— Арзухон!

— Что это вы здесь сидите? — в ее глазах плясали озорные огоньки.

— Да вот на завод пришел... приятель мой... работает... жду его, — это я ей отвечаю.

— Смотрите-ка, и в выходной день работает? — она улыбнулась. Я не успел ответить. Арзухон махнула рукой и скользнула в магазинчик у завода. Мне стало смешно. К чему я лукавлю? И не могу придумать хоть что-нибудь похожее на правду. Арзухон вышла из магазинчика с пакетами в руках.

— Я бы пригласила вас, но вы ведь приятеля ждете... — Арзухон минутку помедлила. — Послезавтра у меня экзамен. До свидания, — она исчезла так же мгновенно, как и появилась.

Послезавтра экзамен? Что бы это могло значить? То ли она извиняется, что не пригласила войти в дом, ведь ей готовиться нужно, то ли намекает, чтобы я послезавтра на химфак пришел и там встретился с ней? Ничего не понимаю, честное слово.

А вообще-то, поди разбери, что хотят сказать эти девушки. Прав был мудрец, когда изрек: «Девушка — это самая загадочная загадка». Я снова поглядел на окна третьего этажа. В одном из них показалась голова Арзухон. Но тут же исчезла. А на ее месте возникли сразу три смеющиеся физиономии. Подружки. Они глядели на меня, что-то, по-видимому, говорили и хохотали. Потом одна из девушек, вдруг сунув палец в рот, пронзительно свистнула.

Как вам это нравится? Вы когда-нибудь видели такое?

Я, понятно, убрался восвояси. А через день я сидел у химфака. Арзухон где-то там, в одной из аудиторий, сдает экзамен, а я здесь, внизу, места себе не нахожу от волнения. Не дай бог, задержится, ведь у меня два билета в кино. И тысячи надежд. Мимо меня стайками пробегают девушки. Я слушаю как четко стучат их каблучки об асфальт. И вот Арзу. Румянец заливает щеки.

— Зияд-ака,— проворковала Арзу.— Что это вы здесь сидите?

Будто не знает.

— Да так. Сижу себе. Пошли?

— Куда это?

— Как куда? У меня билеты в кино.

Арзухон улыбнулась и покачала головой.

— Но почему, почему?— в моем голосе было столько отчаяния, что она торопливо спросила:

— В «Искру?»

Как жаль, что теперь, после землетрясения, на месте «Искры»— голый пустырь. И пыль. А «Искра» была чем-то очень дорога мне.

Вышли мы из кино и притихшие пошли по улице. Я взял из рук Арзухон ее портфельчик. Идем. Молчим. Никак не могу начать разговор. Будто язык прилип к гортани.

— До рассвета носил бы я этот портфельчик,— выдал я наконец.

— Пожалуйста,— весело ответила Арзухон,— я пойду спать, а вы носите себе до рассвета, если вам так хочется.

— Да нет, мне нужно, чтобы и хозяйка портфеля была рядом.

— А еще что?— Арзухон вскинула на меня лукавые глаза.

— Что еще?— Мне многое, очень многое нужно было сказать ей, но я молчал.

— Ага, вот что! Я написал вам стихи.

— Так вы и поэт к тому же?

— Все влюбленные — поэты,— отрезал я. Арзухон засмеялась.

— Ну-ка. Покажите стихи.

— Нет-нет. Вы прочтите их дома. Одна.— Я вынул из кармана листок и сунул его в портфельчик.

Это было 25-го апреля. А 26-го на рассвете ожила земля...

Утром я побежал к зданию химфака, потом в общежитие. Арзухон нигде не было.

Дня три я метался по всему городу, пока, наконец, не встретил подружку Арзухон, ту самую, которая свистела, помните?

— Здравствуйте,— сказал я и жалобно посмотрел на нее.

— А-а-а. К Арзухон мама приехала, они тут хотели жить. Вместе. Ну, а теперь вот, уезжают. Вместе.

— Как это уезжают?

— Просто. На поезде.

Я поплелся домой. По дороге раза три остановился попить воды. И тут вдруг случилось такое... Настало пятое утро с того момента, как земля всколыхнулась и вдребезги разбила мои надежды.

— Возвращайся сегодня пораньше, сынок. Если

сможешь, конечно,— сказала мама.— У нас сегодня гости. Надо привести в порядок большую комнату. А я в город сейчас...

— В город? Мама, я сам,— попросил я, отлично понимая ее замысел. Она, конечно, решила пригласить к нам какую-нибудь семью, оставшуюся без крова.

— Нет и нет. Я сама должна пойти. Да ты ничего в этом не понимаешь. Мне нужна такая семья, чтобы непременно со старушкой. Вроде меня.— Мама накинула на плечо конец белоснежного платка и бодро зашагала к калитке.

Весь день я бегал по городу — искал Арзухон. Уже к вечеру, вспомнив о просьбе мамы, заторопился домой. Вбегаю во двор. Но что это? Стройенькая девушка подметает наш дворик. Я подошел ближе. И не поверил своим глазам.

— Арзухон!

С засученными рукавами и подобранными косами метет двор, как только что прибывшая в дом невестка.

— Бог в помощь.

— Вы к кому?— покраснев, спросила Арзухон.

— К хозяину этого дома,— глупо улыбаясь, ответил я. На мой голос из комнаты вышла мама. От растерянности я подошел к ней, пожал руку.

— Что это с тобой, сынок?— встревожилась мама.

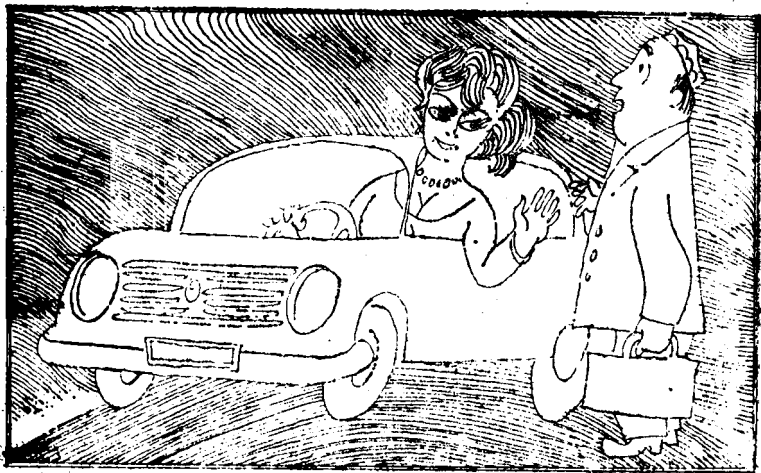
Арзухон, услышав «сынок», бросила веник и убежала. Потом она появилась снова. Рукава ее платья были спущены, а на голове красовался голубой платочек. Я тихонько заглянул в большую комнату, в ту самую, которую сегодня должен был привести в порядок. На почетном месте у низкого столика сидела маленькая симпатичная старушка, похожая на Арзухон. Ну до чего же у меня умная мама, просто умнее всех на

свете. Как хорошо, что в город пошла она, а не я. А земля все еще продолжает время от времени беспокоиться. И Арзухон с матерью живут у нас.

Ташкент 1966 г.

Жанна на шее

ЖАННА НА ШЕЕ

Жаннатхон приоткрыла дверь кабинета товарища Меликулова и, переступив порог, тихо кашлянула.

Урал Мардиевич перекаладывал бумаги с одного конца стола на другой. Он слышал, что кто-то вошел, но не подавал виду.

— Покидаете нас,— жеманно передернула плечиками Жаннатхон.

Меликулов медленно поднял голову и окинул равнодушным взглядом свою молоденькую секретаршу. Девушка — закачаешься: талия, как у манекенщицы из Дома моделей, губки — спелые вишенки, глаза — кинозвезда позавидует. И такое в них выражение, что мурашки по спине пробегают.

— О, Жаннатхон,— промолвил он, глотая слюну.— Вы как всегда очаровательны.

— Правда?— радостно воскликнула девушка и порхнула к его столу.— Урал-ака, что мне делать с этой бумагой?— сунула она ему под нос синее, как незрелая коробочка хлопка, командировочное удостоверение на имя Меликулова У. М.

Он прочел и с удивлением посмотрел на девушку; та стояла, обиженно поджав губы.

— В чем дело, Жаннатхон? Это же мое удостоверение. Поставьте в бухгалтерии печать и ко мне.

Но Жаннатхон повела себя очень странно. Она обошла стол и бухнулась на пол, обхватив руками толстые икры своего шефа.

— Урал Мардиевич, голубчик, возьмите меня с собой, хоть разочек. Как я хочу с вами в Кызылкумы! Что я видела в жизни?! Мужа-пьяницу, чтоб ему пусто было! И теперь не лучше: приду на работу — четыре стены, возвращаюсь домой — опять четыре стены! А в степи — раздолье да еще ваша компания... Ну, возьмите, будьте так добры!

— Встаньте, встаньте!— испуганно попросил Меликулов.— Ведь сюда могут войти. Сейчас же поднимитесь!..

— Нет! Ни за что на свете!— горячо прошептала Жаннатхон, удерживая его коротенькие ноги в тупоносых ботинках.— Возьмите меня! Ну чего вам стоит! Я буду делать вам массаж, подавать чай... Я сделаю все, что ни прикажете.

Меликулову сделалось страшно. Он попытался встать, но Жаннатхон опередила. Вскочив, она притянула к своему упругому животу большую, круглую, как арбуз, голову Урала Мардиевича.

— Ну, миленький, хороший мой, Урал-ака,— заворковала она горлицей.— Всего один раз!.. Не оставляйте меня одну. Только скажите, и я буду вашей послушной рабыней. Ну скажите же: «да». Что же вы молчите? Да?..

Но Меликулов упорствовал.

— Жаннатхон, пустите мою голову,— бормотал он пересохшими губами.— Жаннатхон! Хватит! Хватит уже! Вдруг кто-нибудь зайдет?! Слышите?!

— Нет, нет, и не просите,— тяжело дыша, отвечала секретарша.— Дайте сначала согласие...

Меликулов попытался вырваться, но тщетно. Маленькие ручки вцепились в него, словно клешни. Мудрая голова Урала Мардиевича, голова руководителя солидного учреждения попала в плен.

— Я вас в последний раз спрашиваю: возьмете?— Жаннатхон еще крепче прижала к себе Урала Мардиевича.

Тот чуть не задохнулся. Ему не оставалось ничего иного, как пустить в дело свои сильные руки. Жаннатхон, взвизгнув, шлепнулась на пол.

— Уф-ф, ну и шуточки у вас, милочка,— просопел Меликулов, вытирая вспотевшее лицо.— Чуть не задушили. А если бы кто вошел? Как потом объяснились бы?!

— Очень просто. Сказала бы, что делала вам массаж. Ведь все знают про вашу гипертонию. Кстати, в командировке я обещаю вам делать его дважды в сутки: утром и перед сном. Вам понравились мои руки?

— К черту ваши руки! Дайте-ка мне лучше расческу.

Жаннатхон выскользнула в приемную и вернулась через несколько секунд с розовым гребнем.

— Хотите я вас причешу?— невинно пролепетала она.

— Я сам,— пробурчал Урал Мардиевич, наливаясь злостью.— Садитесь!

Жаннатхон быстро села за приставной столик и, взяв со стола начальника листок и карандаш, аккуратно вывела: «Задание № 1». Затем глазами прилежной ученицы посмотрела на красное лицо Меликулова.

Урал Мардиевич причесывался, недовольно сопя и хмуясь.

— Так печатать приказ на себя?— ласково спросила Жаннатхон.

— Да в своем ли вы уме? Как я вас возьму? Под каким предлогом? Были бы вы научным работником... Да пусть даже лаборанткой!

— А вы скажете там, что я — ваша дочь.

— В вашем возрасте дочки сидят по домам с собственными детьми.

— Ладно, представьте меня тогда своей молодой женой.

При слове «жена» у Урала Мардиевича задергалось правое веко.

— Нет, вы подумали, прежде чем такое ляпнуть? У меня пятидесятилетие на носу, а вам — двадцать. Люди скажут: совсем спятил на старости лет.

— Ничего подобного,— быстро возразила Жаннатхон.— Молодые жены нынче в моде. Вам только позавидуют.

Жаннатхон поднялась. Карандаш с бумагой остались у нее в руках.

— Ну, так я заказываю два билета,— деловито сказала она.— На первый рейс, разумеется.

Меликулову стало немного жаль это юное создание. Сколько страстей из-за какой-то поганой командировки в богом забытую пустыню.

— Не обижайтесь, ласточка, но нет у меня возможности,— сказал он, горестно вздыхая.

Лицо девушки побледнело, исчез нежный румянец.

— Зря вы так, Урал Мардиевич,— холодно проговорила она.— Вы ведь знаете, я не отступлюсь. Возьмите лучше по-хорошему, все равно же полечу, раз решила, хоть на хвосте самолета.

Жаннатхон резко повернулась и зашагала к двери.

— Да, вам звонил вчера вечером Салманов,— обер-

нулась она у порога.— Жалел, что не смог еще навесить вас после отпуска. Но обещался скоро приехать... с гостинчиками.

Она прикрыла дверь, а Урал Мардиевич взялся за голову. И ведь знает же, пигалица, на что намекать. Салманов был директором крупного совхоза. Много лет он дружил с Меликуловым, заезжал к нему домой. И, главное, повод всегда отыскивался: то у Меликулова внук родится, то кто-либо из его домашних день рождения справляет, то праздник, хотя бы и День космонавтики. А раз в гости, то само собой не с пустыми руками!

Знали об этой дружбе немногие, Жапнатхон в том числе. Эта малышка виртуозно управлялась с телефоном приемной, назубок зная, с кем и когда соединять. В его служебной и неслужебной кухне секретов для нее не существовало.

Меликулов поймал себя на мысли, что потому-то он и терпит ее капризы да выкрутасы. С работы отпускает, когда она просит, на два, а то и на три дня. В институт на заочное отделение устроил — лишь бы только помалкивала...

И вот — на тебе. Чем дальше в лес... Сегодня кланчит командировку, завтра попросится вместе с ним на курорт, а послезавтра скажет: «Разводись со своей старухой и веди меня в ЗАГС!» «Черт бы тебя побрал! — вспомнил Урал Мардиевич бритого черноглазого Салманова.— Все твои подарочки поперек горла встают. И все из-за этой... Как бы от нее избавиться?»

Часы пробили полдень... Меликулов вдруг почувствовал, что ему уже не отвертеться. Взвесив еще раз все за и против, он решил рискнуть. «Возьму-ка ее с собой, а там видно будет. Прежнего шофера сплавил и до нее доберусь!»

Урал Мардиевич нажал на кнопку вызова секретарши.

Вошла Жаннатхон — надутая и неприветливая.

— Подойдите сюда,— подозвал ее Меликулов.— Садитесь.

Она неохотно села на предложенный стул и забарабанила по столу длинными ногтями.

— Ладно, так и быть, возьму вас,— сухо сообщил Меликулов.— Но с одним условием...

— Да хоть с двумя!— воскликнула Жаннатхон.— Ой, неужели это правда?!— Она вскочила, едва не опрокинув на рздостях стул.— Какой вы добрый человек, Урал-ака! Кем же я еду?

— Во всяком случае — не любовницей,— поморщился Меликулов, которого коробило столь бурное проявление чувств.— Запомните, вы — моя племянница, учитесь в университете, на геологическом. Ясно?

— Конечно,— поспешно заверила его секретарша.

— А сейчас пойдете в поликлинику и откроете бюллетень. Причина, надеюсь, найдется.

— Найдется, найдется...

— Вот и хорошо,— перебил ее Меликулов.— И учитесь: об этой поездке — ни звука! А капризы свои оставляйте дома — не то быстро отправлю назад, первым же самолетом. Вот вам деньги на билет...

Приложив руку к груди, Жаннатхон терпеливо дослушала суровый наказ.

— Как скажете, почтенный,— покорно произнесла она.— Я без вашего согласия шагу лишнего не ступлю. Вот увидите. Я же обещала быть пайнкой. Ну, я пойду узнаю насчет билетов?

Меликулов кивнул. Девушка взяла у него деньги и опрометью выбежала из кабинета.

Не прошло и десяти минут, как она вернулась с чайником и пиалой на подносе.

— Все в порядке,— с улыбкой сказала Жаннатхон.— Я вам чай заварила — «девяносто пятый», спе-

циально для вас берегла. Попьете чаек и давление сразу понизится.

Она покрутилась еще немного у стола, порываясь лично налить чай в шалу. Но Урал Мардиевич жестом показал, что не надо.

— Все, ухожу,— согласилась Жаннатхон.— Скажите только, Урал-ака, в чем лучше поехать?

«Да хоть в саване!— раздраженно подумал Урал Мардиевич.— Я еще над этим голову не ломал!» А вслух распорядился сурово:

— Оденете что-нибудь попроще, не в театр едем!..

На другой день Жаннатхон примчалась в аэропорт ни свет ни заря и в нетерпении стала расхаживать по залу. «А вдруг он не придет?— думала она, поглядывая на стрелки стенных часов.— Или возьмет да и проскочит на посадку через «депутатскую?»

Но тревоги оказались напрасными: ровно за час до вылета появился Урал Мардиевич с раздутым портфелем в руках. Жаннатхон бросилась ему навстречу, словно соскучившееся по родителю дитя.

— Доброе утро, Урал-ака! А я так боялась, что вы опоздаете...

Она взяла у него портфель, а взамен протянула свою сумочку. После регистрации они прошли во внутренний дворик и направились к свободной скамейке. Хрупкая миниатюрная Жаннатхон согнулась в три погибели под тяжестью своей ноши, зато Меликулов с дамской сумочкой на плече чувствовал себя совсем неплохо.

Кое-как добрела она до заветной скамейки. Поставив на нее портфель, девушка облегченно вздохнула.

— Вы что, камни в нем везете?— спросила она у присевшего рядом со своим багажом Меликулова.— У меня чуть руки не отнялись.

— Угадали,— усмехнулся Урал Мардиевич.— Там в пустыне я опушу их на чью-то симпатичную головку...

— Ой, насмешили,— расхохоталась Жаннатхон.— Это же надо, а? Тащить отсюда камни! Неужели они там в дефиците?

Меликулову нравилось, как она искренне веселится. Он неторопливо оглядел свою спутницу с головы до ног и, не сдержавшись, причмокнул. Мелкие завитушки на лбу, высокая грудь, вырез — на грани риска, маленькие красивые ножки в белых туфельках на каблуках...

«Ох, и взлетит же твоё платьице, когда подует пустынный ветерочек», — почему-то с ужасом подумал Урал Мардиевич.

— Не беспокойтесь,— сказала Жаннатхон, будто бы прочла его мысли.— У меня в сумочке есть ещё одно платье пай-девочки...

...В самаркандском аэропорту их встречали пять представительных мужчин. Они проводили дорогих гостей к стоянке, куда было подано сразу три легковых автомобиля. Жаннатхон без долгих раздумий плюхнулась на заднее сиденье белой «Волги», которая ей больше других приглянулась. «Как бы эта пигалица чего-нибудь не натворила!» — забеспокоился Меликулов и сел рядом.

Когда машина поравнялась с площадью Регистан, Жаннатхон громко закричала, показывая пальцем в окно:

— Смотрите, смотрите, Бибиханум!

Шофер и сопровождающий, который сидел спереди, переглянулись. Меликулов легонько подтолкнул девушку. Жаннатхон обернулась, и он выразительно посмотрел на нее.

— Чего вы толкаетесь? — обиженно спросила она, не реагируя на этот взгляд.— Я что-то не так сказала? Ведь это вправду Бибиханум — всемирно известный памятник древней архитектуры?

— Моя племянница — первый раз в Самарканде,—

пояснил Меликулов, а девушке шепнул на ухо:— Сиди тихо, змееныш!

— Никакой я вам не «змееныш»!— воскликнула с возмущением Жаннатхон, заставив шефа покраснеть.

Урал Мардиевич угрожающе сдвинул брови:

— Ты, наверно, забыла, что лежит у меня в портфеле!

— Не пугайте,— ехидно парировала она.— Я еще когда-а ваш портфельчик проверила. И нет там никаких камней. Одни бумаги!..

Сопровождающий, а за ним и шофер рассмеялись. Меликулов неохотно присоединился к ним.

Вскоре остановились у небольшой чайханы, где и закусили на скорую руку перед дорогой. Путь их лежал в один из дальних районов. Горы окружали его с одной стороны, пустыня — с другой...

Районное начальство, заранее оповещенное о приезде «самого Меликулова», радушно встречало у самой границы. К общему удивлению высокий руководитель отказался разместиться на даче, настойчиво попросив отвезти его и племянницу в гостиницу. «Какая муха его укусила?»— обеспокоилось районное начальство, дрожа от страха и не ведая, конечно, истинной причины. Меликулову же было чего опасаться: на даче могли пребывать и другие столичные гости, а на примерное поведение «племянницы» рассчитывать уже не приходилось.

Внутри районной гостиницы, с виду невзрачной и обшарпанной, оказалось чисто и уютно. А прямо за окнами — горы! Густая тень от придорожных карагачей, холодная ключевая вода в арыке, у воды — айваны, где отдыхают за чаепитием дехкане из окрестных кишлаков, чем не благодать!

Меликулову и его «племяннице» мигом организовали две аккуратные комнаты с видом на горы, и уже через час за праздничным столом в честь их приезда

собралось с десятков ответственных работников района. Стол буквально ломился от яств. «Вот здорово!»— захлопала она в ладоши и без лишних церемоний заняла место в центре стола.

...Застолье неуклонно шло к своему апогею. Выпили уже и за долгожданный визит Урала Мардиевича, и за его отеческую заботу о животноводах области, и за луноликую красавицу Жаннатхон...

Меликулов вел себя, как на приеме с иностранцами. Он поднимал и опускал, даже не пригубив, рюмку с водкой, отпивая лишь из хрустального фужера с гранатовым соком. И в разговоре почти не участвовал, отвечая на адресуемые к нему вопросы одной-двумя фразами, а то и вовсе кивком.

Зато Жаннатхон находилась на вершине блаженства. Она не пропускала ни единого тоста и нажимала на закуску, особенно смакуя острые блюда. Гостеприимные хозяева добродушно посмеивались над ее непосредственностью, а у Меликулова кусок застревал в горле.

— Чего же вы не едите, а, Урал-ака?— подтрунивала она над пасмурным шефом.— В Ташкенте такой вкуснятины днем с огнем не сыскать.

Хлебнув лишку, Жаннатхон возжелала поднять тост за хозяев. Она с трудом привстала, едва не опрокинув на себя фужер с пузырящимся шампанским. «Только б не шлепнулась, чертовка»,— молил всевышнего Меликулов.

— Уваж-жаемые муж-чи-ны,— начала она, обведя сидящих за столом осоловелым взглядом.— Я х-хочу... выпить э-этот бокал вина за таких смел... и-и-к... смелых и храбрых муж-чин! Мужчин надо беречь. Надо, надо. Потому-у как... потому... В общем, да здравствуют мужчины!

Однако она не дала собравшимся спокойно опустошить свои емкости.

— Э-э, нет! Так не пойд-дет!— мотнула она головой.— Я предлагаю выпить стоя! Стоя-я! Понятно?! Ну-ка, поднимайтесь! Ну-у!

Хозяева шумно поднялись со своих мест; и Меликулову пришлось встать, проклиная в душе тот час, когда он поддался уговорам этой несносной девчонки. Жаннатхон залпом осушила до дна фужер и с размаху поставила его на стол, поломав при этом ножку, не рассчитанную на подобное обращение.

— Ничего, ничего, не беспокойтесь,— захлопотал возле нее кто-то из мужчин и убрал со стола осколки.

— По-п-прошу все-ех сесть!— распорядилась Жаннатхон, и те, кто еще не успел сделать этого самостоятельно, расселись по команде, суетясь и скрипя стульями. «Черт бы побрал эту мартышку!— думал Меликулов.— Когда она уже уgomонится?»

Впрочем, ждaть осталось недолго. Жаннатхон еще чуточку покуражилась, неся всякую околесицу, потом внезапно смолкла и, пожаловавшись на головную боль, попросила проводить ее до двери. С ее уходом застолье быстро угасло.

...Уралу Мардиевичу снилось, будто он вышел из дому без зонта и без шляпы и попал под проливной дождь. Да еще, как назло, негде было укрыться: ни навеса, ни деревца — кругом степь. Брезгливо смахивая с лица дождевые капли, он приоткрыл глаза. Над ним сидела плачущая Жаннатхон. От одного вида девушки ему стало не по себе, и он повернулся к ней спиной. Тогда она зарыдала в голос:

— Простите, Уралджан-ака... Я вас... я вас подвела-а. Я теперь капли в рот не возьму-у-у...

— Ну почему же?— съязвил Меликулов, резко обернувшись.— Пейте на здоровье. Основная выпивка у нас сегодня. Там, в степи, можете напиваться вдрызг, а потом хоть куврыкайтесь.

— Разве я виновата?— захныкала девушка, пере-

саживаясь со стула на край меликуловской постели.— Я совсем голову потеряла от такого изобилия... и перебрала малость. А вы тоже — ни слова. Взяли б да запретили...

— Вам запретишь, кажется,— усмехнулся Меликулов.— Съели бы меня с потрохами и не подавились бы.

На глазах Жаннатхон заблестели слезы. Она смахнула их рукавом шелкового халата.

Урал Мардиевич дрогнул.

— Перестаньте реветь, пожалуйста...

— Ну что было, то было,— мгновенно успокоилась Жаннатхон и ласково коснулась его плеча.— Я теперь буду послушной и скромной девочкой. Ладно? Ну как, мир? Вы меня простили, Уралджан-ака, правда же?

Меликулов лишь кашлянул в ответ, но и этого было достаточно.

— Вот и замечательно! Давайте я сделаю вам массаж.

Жаннатхон положила к себе на колени теплую со сна руку начальника и принялась растирать ее нежными прохладными пальчиками...

Урал Мардиевич умиротворенно сопел, глядя на ее чуть опухшее то ли от слез, то ли от вчерашнего застоя лицо. Девушка была столь обворожительна, что ее ничуть не портила ни эта припухлость, ни отсутствие косметики. «Вот же красotka!— думал Меликулов.— Любой дом, окаянная, собой украсит. Но черт бы ее побрал! Скажи только и юркнет бесстыдница под одеяло к мужчине, который ей в отцы годится. А сам-то? Надумал же, старый дурак, с куклой позабавиться...»

Существует поверье, что перед женскими чарами не мог устоять даже Александр Македонский. Но Меликулов не был великим полководцем и потому с кислой миной высвободил свою руку и дал тем самым понять, что пора одеваться.

После завтрака Меликулов занялся бумагами и

лишь в полдень велел подавать машину. На этот раз Жаннатхон не торопилась занять место в машине. Во-первых, она боялась новых стычек со своим шефом (не доведут же до добра!); во-вторых, голова трещала так, что любое резкое движение больно отдавалось в висках.

Они проехали летние выпасы скота, миновали песчаные барханы, скупые даже на такую растительность, как саксаулы, и спустя два часа достигли конечной точки — четырех чабанских юрт. Приятно было увидеть после нудной тряской поездки человеческое жилье и каменные очаги, от которых тянулся густой сизый дым. Временные загоны для скота пустовали, их обитатели паслись неподалеку в округе.

Гости вышли из машины, и вольный степной ветер встретил горожан хорошей порцией песка. Их подвели к самой большой юрте, и Меликулов первым переступил ее порог. Жаннатхон скромно проследовала за ним. Войдя, она принялась изучать внутреннее убранство юрты. Все было здесь в диковинку: и яркие с вышивкой по краям полотенца, которыми обычно украшают комнату новобрачных, и ковры ручной работы на полу, и подвешенные к каркасу винтообразные рога архара, и дымовое отверстие в крыше.

Дирекция совхоза, прибывшая вместе с высоким гостем, приступила к отчету. Жаннатхон невольно прислушалась к разговору.

— Скажите, а какая разница между овцой и бараном?— спросила она, как ни в чем не бывало.

Сидящие в юрте приумолкли.

— Что вы, как воды в рот набрали?— капризно оттопырила она нижнюю губу.— Не знаете, что ли?

— Баран,— это я, Жаннатхон,— сказал Меликулов горько усмехнувшись,— а овца — это вы. Теперь понятно?

— Понятно,— кивнула девушка и громко рассмея-

лась.— Вы, значит, баран,— показала она пальцем на Урала Мардиевича.— А где же ваши рога?

Не дожидаясь законного взрыва, она выбежала из юрты и всласть повеселилась над своим розыгрышем.

Собеседники Меликулова на время потеряли дар речи, сам же Урал Мардиевич готов был провалиться со стыда сквозь землю.

Жаннатхон подошла к хлопотавшей у очага полной женщине в длинном платье и в платке, скрывающем часть лица.

— Пожалуйте, невестушка.— Хозяйка почтительно тронула ее за плечо.— Угощайтесь.

«Невестушка» сделала несколько шагов к небольшому топчану и взяла из плетеной корзины горсть ореховых ядрышек. Потом заглянула в казан и удивленно подняла брови:

— Зачем вы столько мяса положили, тетушка? Нам этого и за неделю не съесть.

— Ничего, поешьте от души,— ответила женщина, помешивая в казане деревянным половником.— Да и дети полакомятся.

— А много ли их у вас?

— Бог дал одиннадцать.— Хозяйка по бытовавшему здесь обычаю назвала одним меньше.— А еще одного я сама вымолила,— добавила она.

— Ву-уй, а как же вы кормите такую ораву?— вытаращилась на нее Жаннатхон.— Видно, овец у вас много? Сотня будет?

Хозяйка пожала плечами.

— Это муж знает.

— Так позовите же его.

Та лишь улыбнулась в ответ. К очагу один за другим потянулись ее дети. Всего набралось около десятка смуглых босоногих ребятишек. Они застенчиво осматривали приехавшую к ним тетю в странном прозрачном платье.

Жаннатхон заходила взад-вперед, озираясь и на-свистывая не менее странную для детей мелодию. Вдруг она резко остановилась.

— Чей это там верблюд?!— ткнула Жаннатхон пальцем в сторону загона.

— Тетя, хотите на нем покататься?— смущенно предложил белозубый мальчуган лет десяти.

— А что, можно, да? Он не укусит?

— Это собака кусается,— сказал мальчуган со знанием дела.

— Тогда подавайте его сюда!— распорядилась Жаннатхон.

Минута, и верблюд был доставлен маленьким тщедушным человечком в шапке-ушанке. Последовала отрывистая команда. Верблюд послушно опустился на брюхо. Девтора обступила его в предчувствии дармовой потехи.

Жаннатхон боязливо приблизилась к животному.

— Как же сесть на него, почтенный?— спросила она погонщика.— Нет ли у вас какой-нибудь подставки?

— Подставки нет, уважаемая,— виновато ответил человечек в ушанке.— А вы так попробуйте... Скажите только: «С богом!» и закидывайте ногу.

— Тогда подсобите.

Погонщик поддержал ее под руки, и не успела она еще как следует сесть на постеленный меж горбами войлок, верблюд вскочил на ноги и пошел. Отчаянно завизжав, Жаннатхон ухватилась обеими руками за верблюжий горб.

Наблюдая за этим уникальным зрелищем в щель юрты, Меликулов зло выругался. Ему в голову пришла невеселая мысль: «Неужто и я подобен тому верблюду? Срам-то какой!..»

Жаннатхон понемногу освоилась. Заливаясь радостным смехом, она погоняла верблюда, словно лошадь, криками: «Но-о!» Вскоре она и вовсе вошла в раж:

— Поехали-и! В Ташкент!.. Эй, дядя, чего вы там возитесь?! Погоняйте быстрее! Быстрее, еще быстрее! Ну, отпускайте его! Ур-ра!

Верблюд понесся как угорелый. На мгновение она выпустила горб и, потеряв равновесие, съехала набок. К счастью, она успела снова уцепиться за спасительный «холмик».

— Караул!— завопила девушка.— Погибаю!

Верблюд словно почувствовал что-то неладное и перешел на шаг.

— Прыгайте! Я вас поймаю!— крикнул ей перепуганный погонщик.

— Нет, я боюсь,— всхлипнула Жаннатхон.— Пусть ваша скотина ляжет или я сейчас поги-и...

Она сорвалась вниз и очутилась в костлявых руках вовремя подстраховавшего погонщика.

— Валиджон, позовите эту проклятую девчонку,— проговорил сквозь зубы Меликулов.

Парень, сидевший на корточках у входа, выскользнул наружу. Он едва не рассмеялся, увидев эту горе-наездницу. Жаннатхон ковыляла к юрте, кляня по чем свет верблюда и его хозяина. От ее прически не осталось и следа. Лохматая, в помятом, будто изжеванном платье она походила на мокрую курицу.

... В гостиницу они вернулись поздней ночью. Меликулов был вне себя от гнева: он еле удержался от разговора с взбалмошной девчонкой на людях.

— Зайдите!— Меликулов открыл дверь своей комнаты.— Нет, из вас ничего путного не получится,— сказал он, бросая пиджак на спинку стула.— К вам со всей душой, а вы вместо благодарности... Эх, не зря говорят: «Корова не признает того, кто с ней ласков». Все, кончено! Приедем в Ташкент, напишите заявление и катитесь на все четыре стороны.

— Как?!— воскликнула Жаннатхон и, подбоченясь, бесстрашно ринулась в ответное наступление.— Да за

кого вы меня принимаете?! Учтите, я вам не жертвенная овечка! И кричать на себя тоже не позволю. Меня зовут «Жаннатхон», а не как там еще...

— Посмотрим,— произнес побелевшими губами Меликулов.

— Посмотрим!— с вызовом повторила за ним секретарша и хлопнула за собой дверь.

...Кто-то вовремя и, главное, аккуратно избавляется от своей ноши; кто-то кидает ее плашмя, как придется, рискуя при этом свалиться с ней заодно. Они вернулись из Кызылкумов в пятницу, и оба выходных Меликулов ломал голову над тем, как бы ему уволить зарвавшуюся секретаршу, ничем не повредив своей исключительно безупречной репутации. Однако мудрое решение не приходило, и он отважился пойти на риск, который дорого ему обошелся.

В понедельник Урал Мардиевич вышел на службу. Приемная, несмотря на то, что часы показывали «десять», пустовала. Он недобро взглянул на серый чехол пишущей машинки и прошел в кабинет. На душе по-прежнему было муторно, сердце болело, словно его тербили железными коготками. От догадки, кому принадлежат эти «коготки», Меликулов и вовсе расклеился.

Несколько раз Урал Мардиевич нажимал на кнопку звонка, но секретарша не появлялась. «Неужто этой кокетке выходных недостаточно?— сердито думал Меликулов.— Одиннадцатый час, а ее все нет. Да, распустил я ее на свою голову. Раньше она себе такого не позволяла. Все с полуслова понимала, а сейчас разболталась — дальше некуда».

Перед глазами Урала Мардиевича возникла вдруг степь и Жаннатхон верхом на верблюде. Только на месте смуглого неприметного погонщика оказался почему-то Салманов. Совхозный директор рассыпался перед девушкой мелким бесом, то и дело кивая в сторону юрты, где сидел Меликулов, и ехидно посмеиваясь.

Урал Мардиевич потрянул головой, прогоняя от себя это наваждение. «Прогоню, обоих прогоню!»— грозно пообещал он самому себе и именно в ту секунду в дверях показалась веселая мордашка его секретарши. На Жаннатхон были узкие джинсы и ярко-красная кофточка; белоснежную шею украшала нить крупных, как кукурузные зерна, жемчужин. «Ну как я вам, почтенный?»— говорил ее игривый взгляд.

Он подозвал девушку к столу и положил перед ней чистый лист бумаги.

— Пишите,— сказал он, когда Жаннатхон взяла ручку и подняла на него глаза.

— Что же вы сидите сложа руки? Пишите!

— Так скажите, что писать?..

— Заявление... об уходе по собственному желанию.

— Не буду я писать никакого заявления!— скомкала Жаннатхон лист.— Мне здесь нравится, и я отсюда никуда не уйду. Так и знайте!

— Вам ваше место может и нравится,— сказал Меликулов, нервно постукивая пальцами по столу.— Да вы мне на этом месте не нравитесь. И зарубите себе на носу: не уволитесь по-хорошему, заставим по-плохому!

— Вы меня не пугайте!— Жаннатхон вскочила и приняла позу базарной торговки.— Я в законах не хуже вашего разбираюсь. Трудовой кодекс как свои пять пальцев знаю! Видите ли, он меня заставит!.. Сперва на себя посмотрите, а потом другими распоряжайтесь.

— Мне бояться нечего,— выпятил грудь Урал Мардиевич.— Обращайтесь куда хотите, все равно вам здесь не работать!

Секретарша обошла стол и встала перед Меликуловым, уперев в бока руки.

— Ах, вон оно как! И это, называется, руководитель, авторитетный человек. А скажите, положила руку на сердце, сколько раз вы меня целовали?

— Что вы такое мелете!— возмутился было Меликулов, но тут же остыл.— Хотя нет, один раз в день вашего рождения я поцеловал вас в лоб. Все это видели.

— Верно,— сказала девушка,— все видели. А если я скажу, что вы целовали меня и без свидетелей? Что тогда? В эпоху женской эмансипации каждое наше слово остро, как меч.

— Пожалуйста, говорите,— усмехнулся Меликулов.— Сами же только оскандалитесь. Ну, в общем, хватит торговаться! Садитесь и пишите! Вы больше не соответствуете занимаемой должности, и нам такие люди, как вы, не нужны.

Жаннатхон поняла, что шеф будет твердо стоять на своем, и пошла ва-банк:

— Так сразу, значит, и не нужны?! А может вы ждете особой благодарности за ту увеселительную прогулку? Так знайте, я теперь не то чтобы в Кызылкумы, я в Париж с вами не поеду! Не думала я, что вы такой несерьезный человек. Вы говорите, я не соответствую, а как же другие? У нас здесь половина не соответствующих. В нашем коллективе, почтенный, и расхитители, и ранее судимые, и пьяницы. Агрономы, не отличающие овса от пшеницы,— и те есть. А сколько у вас подхалимов да мальчигов на побегушках? Пять? Десять? Если уж вы такой принципиальный, освободите сначала их!

— Эй, полегче!— вспылил Меликулов.— Думайте, что говорите!

— А я говорю только то, что знаю и вижу... Или я, по-вашему, ничего не смыслю? Знаю я, как вы дочку в университет устраивали и как премии выписывали какому-то мифическому Дадашеву, и сколько раз в году вас Салманов навещает! А кто взял на себя все расходы, когда ваш отец скончался? И это скажете: «Неправда!» О боже ты мой! Была бы у вас хоть капля совести, делали бы вы тогда поминки на совхозные день-

ги?!— Жаннатхон достала из кармана сложенную бумагу и швырнула ее на меликуловский стол.— Почитайте на досуге. Здесь все ваши подвиги, как ожерелье на нитке.

Она повернулась и независимой походкой зашагала к двери. Перекошенное лицо Урала Мардиевича из мертвенно-серого стало красным, как помидор.

— Мерзавка!— просипел он сквозь застрявший в горле ком.— Я буду не я, если не сгною тебя в тюрьме!

Жаннатхон обернулась.

— Ладно,— весело согласилась она.— Но только с одним условием: в тюрьму отправимся вместе. Я буду делать вам массажик, ведь у вас, уважаемый, давление...

— Во-о-он!— завопил Урал Мардиевич не своим голосом.

Дверь с шумом захлопнулась. Меликулов сидел как оглушенный, сердце готово было выскочить из груди, голова шла кругом, тело горело... Он положил под язык таблетку и долго сидел, подперев кулаками щеки. Затем вызвал машину и уехал домой.

Два дня он пластом пролежал в постели. Едва он брал в руки стакан, чтобы запить лекарство, ему виделась в воде ангелоподобная красавица в образе скорпиона. «Дадашев — не мой, он — главного инженера,— шептал он воспаленными губами.— Сам нашел его, сам пусть за него и отвечает: за живого или мертвого... А необразованные повсюду есть... того самого, черт его дери, надо бы поменьше. И он, тоже мне хорош, сделает на копейку, а разрезвонит на рубль. Не может язык попридержать...»

Вспомнил Меликулов и о соболезнаваниях по поводу смерти его отца. «Ну и что тут постыдного?— спросил он себя.— Люди вызвались помочь, а я должен был взять и запретить?! Они так просили... Разве я мог отказать?»

Кто-то самостоятельно управляет со своей работой, а кто-то норовит переложить ее на чужие плечи. Но разве можно увидеть за кого-то сон? Поплакать или поплавать? Меликулов считал, что вполне возможно: не все ли равно, на чьи деньги похоронят усопшего, лишь бы похоронили.

Как бы там ни было, Меликулов надумал сделать ход конем. «Слов нет, девчонку надо уволить. Но без скандала — тихо и интеллигентно. Погладь кошку по шерстке, и та, глядишь, хвостиком завилает...»

На другой день Урал Мардиевич ступал по учрежденческому паркету с поднятой головой. Жаннатхон сидела в приемной и, хмурясь, полировала пилочкой длинные ногти. Увидев начальство, она неохотно поднялась с места и поздоровалась. Вопреки ее ожиданиям Меликулов ответил приветливым кивком и прошел в кабинет. Чуть погодя он вызвал ее к себе.

Жаннатхон вошла и, закрыв дверь, привычно прислонилась к косяку.

— Идите сюда.— Меликулов растянул губы в добродушной улыбке.— Присаживайтесь.

Она села и приготовилась слушать. Не меняя выражения на лице, шеф протянул ей мизинец.

— Мир? Кажется, между нами черная кошка пробежала...

Она недоверчиво взглянула на него и сделала ответный жест.

— Жаннатхон, я перехожу на другую работу,— доверительно сообщил ей Меликулов.— Как только все устроится, заберу вас к себе. Как никак мы неплохо понимаем друг друга. Забирайте-ка пока свои документы и будьте наготове.

— Ох, и лжец же вы, однако! Хотите провести меня вокруг пальца. Я уволюсь, а вы возьмете да останетесь. Знаю я вас...

— Да разрази меня гром!— обиделся Меликулов.

— Э-э, кто сейчас верит клятвам?! Такие люди пошли, для них что богом, что матерью поклясться — раз плюнуть.

— Почему вы мне не верите? Я, между прочим, о вас забочусь. Не дай бог останетесь здесь без меня: вас же в первый день смешают с грязью...

«А ведь прав этот толстомордый»,— подумала Жаннатхон.

...За те два дня, что Меликулов пролежал дома, она, подобно ему, искала выход из создавшегося положения. «Все равно мне с ним уже не работать,— рассуждала девушка, снимая время от времени телефонную трубку и отвечая, что товарищ Меликулов болен.— И проку от моих выступлений никакого. Даже если я пожалуюсь министру. Ну и что, схлопочет выговор. А если случится чудо!— и снимут, то тут же дадут другое место — не менее тепленькое. Это все равно, что вытащить щуку из реки и бросить ее в озеро. Мне же все это не пройдет даром; такие, как Меликулов, за свое благополучие на любую подлость готовы. А кто за меня, сироту, словечко замолвит? За спиной у меня пусто и нет человека, который бы сказал: «Не дадим нашу Жаннатхон в обиду!» Надо, пока суд да дело, крутануть старика и послать куда подальше его чертову контору!»

... И сейчас эта идея показалась ей наиболее привлекательной.

— Хорошо, я уволюсь,— сказала наконец Жаннатхон.— Но вы заплатите мне за все время, что я буду ходить без работы.

Меликулов было обрадовался, но, услышав про оплату, поскучнел.

— Сколько вам надо?— осторожно спросил он и заодно пожаловался:— Где я их возьму?

— Не знаю. Вам видней: выпишите премию, займите в долг. Я же согласилась.

— Да-да, конечно,— засуетился Меликулов и принялся рыться в ящиках стола. Задвинув ящики, он методично ошупал каждый из карманов серого пиджака. Закончив и эту процедуру, он как бы мельком взглянул на сейф.

— Открывайте!— повеселела Жаннатхон, наблюдавшая за его поисками. Меликулов послушно направился к железному ящику, и девушка кинулась за ним. Когда чугунная дверца сейфа приоткрылась, он проворно запустил пятерню в его темное отверстие и вытащил стопку десятирублевков. Протягивая деньги девушке, он морщился, как от зубной боли.

— Возьмите, тут двести рублей,— трагически вещал он.— Один приятель просил сохранить.

— Добавьте еще,— сказала, порывисто дыша, Жаннатхон.— Мы ведь расстаемся навсегда. Двести рублей можно сунуть и незнакомцу, а мы-то с вами вместе, как говорится, из одной касы кислое молоко хлебали...

Меликулов, чуть поколебавшись, залез в сейф вторично и вытащил похожую пачку.

— Держите,— бросил он деньги на стол.— Теперь стало четыреста.

Он со злостью повернул ключ в сейфе и сел обратно в кресло, держа за сердце. Жаннатхон аккуратно завернула деньги в бумагу, подошла к шефу и, нагнувшись, подставила ему правую щеку:

— Целуйте!..

— Э-э,— испуганно отпрянул от нее Меликулов.— Хватит дурачиться!

— Целуйте скорей,— прошептала Жаннатхон, опасно озираясь.— Вдруг кто-нибудь войдет...

«Ну что за напасть!»— подумал Меликулов и прикоснулся губами к ее атласной щечке.

— А теперь в эту,— подставила она другую щеку. Он чмокнул и возражающе замахал руками:

— Хватит! Больше не буду!

— А, попались!— звонко рассмеялась девушка.— Целуете, оказывается, и без свидетелей! Ну, что вы теперь скажете?

У Меликулова забежали от страха глаза. «А вдруг она не уволится?— с ужасом подумал он.— Вдруг упрется? И деньги не вернет...»

— Не бойтесь, бывший мой хозяин,— угадала его мысли Жаннатхон.— Я не из тех, кто отказывается от своих слов. Хоть озолотите, я не останусь. Сидите себе здесь на здоровье, а Жаннатхон не пропадет, ей еще цвести и цвести! Чао!

... Всеу есть начало и есть конец. Кончится срок жизни — рухнет и чинара, и озеро высохнет, и цветы превратятся в жалкий мусор... Нет, Меликулов не прекратил еще своего земного существования, но с седла волей обстоятельств слетел, сделавшись самым обыкновенным пешеходом...

...В дождливый осенний день Урал Мардиевич стоял, подняв воротник плаща и клацая от холода зубами, на автобусной остановке. Он близоруко вглядывался в сторону, откуда должен был приехать злосчастный автобус. Мимо проносились частные машины, такси, служебные автомобили с хозяевами на заднем сидении справа. Внезапно перед ним резко затормозил красный «жигуленок», в залитом дождем окне мелькнул женский силуэт.

— Эй, пешеход, садитесь подвезу!

Урал Мардиевич открыл дверцу и обомлел. С озорной улыбкой на него глядела красавица Жаннатхон. Чертыхнувшись, он захлопнул дверцу. Девушка нажала на газ, и машина рванулась с места, обрызгав шокированного Меликулова свежей дорожной грязью...

ЧУДНЫЕ СОСЕДИ

Живут по соседству два колхозных механизатора Умматали и Гайбулла. Друзья — не разлей вода. По модному ныне лунному календарю (заметим, справедливости ради, что в наших краях считать таким образом годы — дело среди стариков обыкновенное) Умматали родился в год рыбы, а Гайбулла — в год зайца. Умматали сорок четыре стукнуло, когда поспела черешня, а Гайбулла справит свои сорок пять, как созреют дыни.

Друзья удачно, ничего не скажешь, дополняют друг друга. Подвижный коренастый Умматали и высокий нескладный Гайбулла. Не успеет Гайбулла еще и рта раскрыть, а Умматали уже целую лекцию прочтет.

И любой вам, если спросите, расскажет, что свадьбы играли друзья в один и тот же год, и что детей у каждого по восемь — притом, по четыре мальчика и по четыре девочки, и что жили они до поры до времени на окраине кишлака. Ну а когда освоили колхозные пустоши, выделили им там по участку — знай себе стройся. Так и встали рядышком два дома. Что у одного друга во дворе, то и у другого, даже собаки, как две капли воды, похожи, — казахские овчарки — Коплан да Сиртлон...

Который год и тот и другой ходят в передовиках, и если пойдет разговор о пятой бригаде — укажут первым делом на Гайбуллу, а о шестой — на Умматали. Работают друзья отменно и зарабатывают — грех жаловаться. Чего ж еще желать?

Много разных пересудов вокруг доброй дружбы Умматали и Гайбуллы. Не перестают удивляться односельчане: столько лет живут они бок о бок, а ни разу даже не повздорили и при каждой встрече так друг другу рады, словно не виделись целую вечность. И всегда ведь найдется у них о чем поговорить.

Да что поговорить! Один без другого поест нормально не может. Если не за стол друга посадит, так через забор касу с шурпой передаст, а тот взамен — манты, да такие, что пальчики оближешь. Ну как не отвеждать?

И тянулись так день за днем и год за годом. И не было этой дружбе конца.

Но вот однажды завела жена Гайбуллы такой разговор:

— Пора нам, наверно, отец, машину брать. Совсем тяжело стало: из магазина иду — руки буквально отваливаются. Возраст уже, видно, не тот.

— А почему ребят не пошлешь?

— Э-э, о чем вы говорите? Вон вчера послала Гайрата за керосином, а он, негодник, хлопкового масла в баллон налил!.. Скажешь: «рафинад» — принесут сахарный песок. Ладно бы только это... Соберешься мать проведать, весь день на дорогу уходит. С машиной же — раз-два и там. А летом? Сколько яблок, урюка, сколько зелени пропадает? Смотреть больно. Будь машина, собрали бы мы огурчики, помидорчики — да на базар. Яблоки поспели — туда же. Разве плохо?

— Хорошо-то хорошо, но ведь можно и без базара прожить. Томатный сок сделаем, а фрукты посушим, зимой — в самый раз.

— Может, и огурцы сушить прикажете. Нет, уж лучше купить машину, отец. Поговорите с председателем, вам он не откажет. Да и Сухбатилла через годик другой за руль сядет.

Гайбулла почесал затылок и сказал, задумчиво глядя на жену:

— Купить — не проблема. Но как Умматали на это посмотрит? Что если обидится?

— Ну при чем здесь Умматали! — всплеснула руками жена. — Обидится — пусть себе обижается! А завид-

но станет, пойдет и купит себе тоже. Слава богу, не нищий. Только вот что: не говорите ему ничего прежде времени.

Несколько дней ходил Гайбулла сам не свой, все обдумывал. И представлялось ему, как подъезжает он к дому на машине и высыпает на улицу ребягня и его, и соседская. И только друг его, Умматали, вместо обычного приветствия поворачивается к нему спиной. Кошки скребли на душе Гайбуллы от этих видений. А жена, знай, помалкивала, только глазом косила.

Не выдержал, наконец, Гайбулла — пошел в правление, к председателю. Так, мсл, и так, сказал — машина нужна.

И месяца не прошло, как во дворе Гайбуллы стоял, отливая свежей краской, новенький желтый «Москвич». Зашел Умматали — поздравить друга с покупкой. Потрогал ласково машину. «Хороша! Пусть служит она тебе верой и правдой», — сказал он, похлопав Гайбуллу по плечу. «Так уж получилось, дружище...» «Да-да, я понимаю. Выделили колхозу машину: не ты, так кто-нибудь другой взял бы». «Верно», — закивал Гайбулла. Тут жена Умматали вошла с бархатом. Положила подарок на капот и на мужа посмотрела. С выражением.

Теперь дело было за Умматали. Он не стал просить председателя: взял деньги и махнул с шурином в Джезказган. Неделя — и вернулся оттуда на молочном «жигуленке». Настал черед Гайбуллы поздравлять, и на сердце у него полегчало — есть и у друга машина. Подарил он соседу шелковый чехол и, как умел, похвалил его «Жигули», а Умматали давай в ответ его «Москвичу» оды петь. На том и расстались.

Денька через три наведался к Гайбулле в гости свояк Эшпулат, специально на «москвиченок» взглянуть. Ходил он вокруг машины, цокал и — не понять, нравилась она ему или нет.

— А что, и Умматали машину взял?— спросил вдруг Эшпулат, сморщив и без того узкий лоб.

— Купил,— сказал Гайбулла,— «Жигули».

— Друг называется,— протянул Эшпулат с сомнением.— Разве так друзья поступают? Ну взял бы тоже «Москвич», ан нет — решил, видно, соседу нос утереть.

Запали в душу Гайбуллы слова Эшпулата. «А в самом деле, почему он не купил «Москвич?» Мне, мол, и осел сгодится, а ему коня под седло?»

— Плюньте, не переживайте, один мой кореш мигом все обделаает,— успокоил Эшпулат.

Мигом — не мигом, а спустя три с половиной месяца Гайбулла въехал во двор на новом без единой царапинки «суперлюксе».

Не имел Умматали среди близкой родни такого Эшпулата, но и далекая, когда надо, приходила на выручку. Она-то и засуетилась, спасая престиж Умматали. Быстро нашелся покупатель на «Жигули», а взамен откуда-то издалека пригнали бордовую «Волгу». Ну просто заглядение!

Когда Гайбулла зашел взглянуть на новую машину, Умматали, отводя глаза, посетовал: «Что поделаешь, у того «жигуленка» дефект на дефекте. Мотор, честно говоря, с первого дня барахлил. Родственники все о «Волге» толковали. Говорят: зверь-машина».

— Правильно сделал, дружище. Ну что — «Жигули»? Сел в кабину, а голова в потолок уперлась. Ведь и дом, чем просторней, тем лучше.— И скрывалось за этой фразой: «Погоди, Умматали, мы тоже не лыком шиты...»

В тот же день Гайбулла исчез, и носило его где-то недели две. Когда настала в колхозе пора уборки урожая, на диковинной, стального цвета машине приехали двое в кепках-«аэродромах» и стали спрашивать, где тут Гайбулла проживает?..

Поздним вечером к дому Гайбуллы началось на-

стоящее паломничество местных автолюбителей. Автомобиль, узкий спереди и широченный сзади, был нашпигован фарами и подфарниками, которые вспыхивали, как только Гайбулла поворачивал ключ в замке зажигания.

Один из родственников Умматали, увидев машину соседа, авторитетно заметил: «Не вешай носа, любезный. Она самое большее — год у него побегаёт. Запасных частей к ней днем с огнем не сыскать, увидишь, пропадет он ее потом за бесценок».

Установил Умматали на своей «Волге» магнитофон с очень даже неплохим звучанием. Но и здесь Гайбулла перешеголял своего друга. «Раз «жеребец» у меня японский, то и голос ему чужой не подойдет», — решил он и купил в комиссионном магазине портативный «Шарп». Тогда, не долго думая, Умматали оснастил свою «Волгу» телевизором, маленьким холодильничком.

Сел Гайбулла как-то к Умматали в машину и сказал задумчиво: «Да, «Волга» есть «Волга». Ход мягкий, как будто река течет. Скучно — на тебе телевизор, захотел напиток — доставай из холодильника минералку. Здорово!» — «Как же в дороге без удобств?» — улыбался польщенный Умматали.

Взялся и Гайбулла за автоматизацию.

Только откроет он дверцу своего «жеребца» — Муножат Юльчиева¹ поет про черные глаза, по цветному телевизору — футбол или какое другое зрелище, душно — кондиционер лицо обдувает.

Умматали озадачили новинки Гайбуллы, но и раззадорили не на шутку. «Разве это автоматика? — твердил он упрямо. — Вот посмотрим, что у меня через неделю будет».

Он поехал в город и вернулся с приятелем — теле-

---

¹ Известная узбекская певица.

графистом, мастером на все руки. Засели они с приятелем (благо, уборка кончилась и до пахоты времени чуток оставалось), носа из дома не показывали. Первым делом поставили реле на ворота: подойдешь к ним и «сезам» говорить не нужно, и так распахнутся, а войдешь — сами же и сойдутся. И во дворе — сплошь чудеса. Потянешь на себя дверь коровника — лампочка загорается, прикроешь — гаснет. И в комнатах везде кнопки, рычажки, рубильники: все съезжается, разъезжается, вспыхивает...

Автоматизация приняла такие масштабы, что не обошла и туалетную комнату. Последнее обстоятельство, правда, едва не обернулось трагедией. Приехал из горного кишлака родственник и понадобилось ему спозаранку в эту самую комнату. Открыл он дверь, а оттуда голос, как из преисподней: «Человек, в мире этом ты — временный гость». Родственник бухнулся в обморок, еле в чувство привели.

Поразмыслив, отключил Умматали магнитофон от столь опасного места.

Гайбулла с любопытством взирал на перемены в доме соседа, хвалил того за находчивость да смекалку, советовал даже что-то. А сам на ус мотал, что видел, и заранее руки потирал.

Минула осень, незаметно пролетела зима. К весне на каждой из крыш торчало по десятку антенн, вокруг разноцветная проводка, лампочкам и мигалкам вообще счету нет!

И все ж обставил молчун Гайбулла своего соседа. Перед самым выходом в эфир программы «Время», телевизор его включался в сеть без посторонней помощи, если, конечно, был к этому времени невключенным. К шести утра заводился его импортный «жеребец» — мотор прогревал, а клетка в курятнике автоматически отворялась. Дожует корова последний клок сена, на террасе красная лампа об этом сигнализирует,

останется же дверь коровника открытой, включается желтая лампа и колокольчик звенит...

Задумался Умматали крепко-накрепко: ему ли терпеть поражение? Несколько дней ходил он да прикидывал, чего б еще такого внедрить. И пришла-таки спасительная идея: прибежал он средь бела дня домой, вывел со двора машину и рванул, ни с кем и словом не обмолвись, в областной центр. Там — прямо к начальнику аэропорта. Дождался приема и, назвавшись, сразу взял быка за рога:

— Я бы хотел вертолет приобрести, если есть такая возможность. Можно и не новой конструкции.

— Чего? — не понял начальник. — У вас груз какой-то для перевозки?

— Какой еще такой груз? Мне, — ткнул Умматали пальцем себя в грудь, — нужен. Позарез. Может, найдется у вас списанный вертолетик, мне б его восстановили.

«Он не в своем уме», — решил начальник аэропорта и осторожно, чтобы ненароком не задеть несчастного, сказал:

— Видите ли, почтенный, здесь у нас не магазин по продаже вертолетов. Поймите, ну какое я имею право взять и продать государственное имущество первому встречному?

— Я — не первый встречный! — с достоинством возразил Умматали. — Я в колхозе двадцать два года проработал. Ударник. Обязательства выполняю, награды имею. А сколько раз в газетах мой портрет печатали! И по «Ахбороту» однажды показали! Неужто не видели? И не даром же я прошу, заплачу наличными, но со скидкой, как за списанный.

«А может, он нормальный? — подумал начальник аэропорта. — Тогда зачем ему вертолет?»

— Послушайте, уважаемый, вертолет ведь — не машина, и даже списанный больших денег стоит.

— Пусть это вас не волнует. Деньги найдем!— отрезал Умматали.

На обратном пути машина летела, как на крыльях. В голове Умматали рисовались картины одна радужней другой. Вот он садится за штурвал своей белоснежной «стрекозки» и взлетает над домом, а Гайбулла стоит внизу и, задрав голову, следит за его вольным полетом.

Но как только он въехал в кишлак и увидел в той стороне, где стоял его дом, поднимающиеся в воздух черные клубы дыма, картину как ветром сдуло. «Пожар!— испуганно выдохнул он.— Неужто мой горит?»

Умматали вспомнил про бочку с бензином, зарытую под яблоней, и с перепугу развил такую скорость, что едва полкишлака не передалвил.

Оказалось, дым валил из соседского дома, вернее, из того, что от него осталось. Сиротливо торчали стены с обгорелыми бойницами окон, тлели внизу толстые бревна крыши, домашний скарб. Грустное было зрелище.

У ворот собралась внушительная толпа зевак. Они степенно обсуждали причины пожара, пока те, кто помоложе и поспортивей, бегали по двору с ведрами и тянули к дому шланг. Умматали подошел к поникшему Гайбулле и тронул друга за плечо: «Не горюй, сосед. Была бы голова цела, а дом новый выстроим — лучше прежнего».

— Правильно,— поддержал его седобородый старик, что стоял рядом.— И я об этом же говорю. Дай бог только здоровья. Радуйся, Гайбулладжан, что дети уцелели...

С детей пожар-то и начался. Завел пятилетний Файзулла мальчишек во двор и давай хвалиться отцовской «автоматикой»,— то одну кнопку нажмет, то другую: любуйтесь, мол, разноцветными огоньками. Вдрус,

бац!— и замыкание: от искры пошел гулять огонь по постройкам.

Направился Умматали к себе и все провода «с мясом» повыдернул.

Двор Гайбуллы вскоре расчистили, и поехали друзья за стройматериалами. На тракторных тележках подвезли они доски, шифер, балки для перекрытия, в общем, все, что нужно. Работа закипела. Теперь слово было за строителями. В темпе дошли те до крыши, хотели уже перекрытием заняться, но пришла жена Гайбуллы и полезла с советами:

— Отец, все равно ведь заново кроете, так поднимите стену кирпичика на четыре — пусть воздуха больше будет. Вспомните, какой наш дом низкий был.

Напряг Гайбулла память, но не вспомнил.

— И что это тебе взбрело в голову? «Низкий!» Что, голова о потолок задевала?! Столько лет жила и молчала, а теперь — на тебе. Ну, подниму я крышу, Умматали обидится.

— Ой-ой, вы посмотрите на этого человека, — запричитала жена. — Да вы только сравните его дом и свой. Наш дом перед тем, как жалкая сиротка. Любого спросите, если не верите.

Почесал Гайбулла затылок. «Эх, была — не была, подниму стены на два кирпича, чтобы с соседом сравняться...» — решил он.

К середине лета закончили отделку. То ли благодаря новому шиферу, то ли свежей побелке, но выглядел он как-то внушительней соседского.

Это не могло остаться незамеченным женой Умматали.

— Господи, первый раз вижу человека, который сам себе враг, — сказала она однажды и ехидно взглянула на дом соседа. — Целый месяц другу помогали, спины не разгибая ни днем, ни ночью, а так ничего и не заметили...

— А что я должен был заметить?— удивился Умматали.

— Гляньте на его крышу! Ну, видите? На целый метр выше прежней! Гору перед нами воздвигли с вашей помощью, чтобы к нам и света луч не проникал. Небось этого ваш друг добивался? А как иначе понимать? Что теперь будет с моим огородом? В такой темени и четырем пучкам лука на нем не созреть. Не-е-ет!.. Надо и нам поднять стены!

— Бестолочь!— вскипел Умматали.— Прикажешь начать все сначала! Не помнишь, до чего это довело? Довольствуйся тем, что есть!

— Я бы довольствовалась, если бы ваш милый друг прежнюю высоту оставил!— сердито парировала жена.— Так куда там! Вон какую махину отгрохал. Так и хочет показать, что выше вас и не только ростом. Ну, конечно, родня, деньги... Но не беда: я своих братьев попрошу подсобить. Чем мы хуже соседа?!

Сплюнул Умматали под ноги и пошел в сарай за топором...

Через несколько минут посыпались на землю отрываемые от балок целехонькие плиты шифера.

Я САМ ПЛОХОЙ

Ваш покорный слуга — преуспевающий сотрудник одной районной газеты. Еще более преуспевающая машинистка в той же редакции — моя законнейшая половина. Мой конек — фельетоны, но когда случаются серьезные перебои с фактами, я с радостью берусь за юмористические рассказы. Вы должны понять, как я отдыхаю душой, печатая их. Ведь я могу рассчитывать на то, что превращение знакомых и незнакомых мне людей в моих сознательных врагов временно прекращается. Даже если кто-нибудь вздумает обидеться, он

обязательно промолчит, поскольку слыть человеком, не понимающим юмора, довольно рискованно.

Пришел я однажды на работу, для разминки сыграл с корректором в шахматы, потом принялся обдумывать, за что бы зацепиться своим пером. Мне не пришлось долго размышлять, так как редактор вызвал меня к себе.

— Вот что, родной мой,— сказал он ласково,— напишите-ка вы к субботе юмористический рассказ. А тема...— он ненадолго задумался.— Пусть будет про мужчин. Протяните их немножко, пьяниц и так далее... В общем, сами знаете, родной мой!— закончил он своим обычным обращением.

— Но, Таир-ака,— попытался я вступить за сильный пол, который должен был получить очередную порцию словесных затрещин,— на бедных мужчинах живого места нет. Во всех рассказах их ругаем!

— Ничего, ничего,— успокоил он меня.— Мужчина мужскую затрещину выдержит. Бейте их! Если написать про женщин, разговоров не оберешься. Будут говорить, что редактор-мужчина притесняет женщин.

С этим я ушел. Задание я понял прекрасно. Мой герой — Кадыр Мирзаевич, горький пьяница, сплетник, завязший по горло в долгах, которые никогда не возвращает.

В общем, я вывел в рассказе такого мужчину, за которым все черти в очереди должны стоять.

Закончив писать, я отдал листки жене. Она, хоть и простая машинистка, но вкус у нее хороший.

Прочитав страницу, она взглянула на меня исподлобья.

— Ты от печали не бегаешь, а сам ее ищешь,— сказала она обиженно.— Теперь до брата моего добрался? Что он тебе плохого сделал?

— Какого брата?— в изумлении уставился я на жену.

— Моего двоюродного брата Кадыра. Неужели его назначили бы заведующим районным отделом культуры, если б он не справлялся с работой? Прекрасно справляется!— обиженно продолжала она.— Вот уже восемь лет работает!

— Так ведь брата твоего зовут Кадыром Мавляновичем, а этого Кадыром Мирзаевичем. И потом, неужели он не поймет, что это художественное произведение?

— Да мой брат на этом деле зубы съел! Только он все равно обидится.

Чтобы угодить супруге, заменил Кадыра на Батыра. Она сначала повеселела, но потом вдруг растерянно вскрикнула:

— Как же мы это не заметили? Ведь Батыр — наш лучший сосед. Сами знаете что он имеет слабость к спиртному. Может к сердцу близко принять.

Я сразу согласился и сделал Батыра Шакиром.

Ночью я долго не мог уснуть. Это имя мне кого-то напоминало, но кого именно? Потом дошло — так звали моего товарища, с которым пять лет учились в одной группе. Бедняга рос без отца и всегда ходил в долгах.

Включив свет, я дал герою новое имя — Хусан и спокойно уснул. Наутро, придя в редакцию, я отдал жене перепечатать рассказ. Вернувшись, застал ее в слезах.

— Почему вы такой злой?— начала упрекать она.— Даже усопших в покое оставить не можете, бессердечный вы человек.

Тут я вспомнил, что Хусан — имя моего покойного тестя. Я хотел было заменить Хусана на Хасана, но ей и это не понравилось, потому что Хасан был родным братом тестя. Таким образом она отвергла имя сына своей тети, имя племянника, который работал в магазине, тезку зятя еще одной тетушки. В конце концов,

она назвала меня ненормальным за то, что я хотел назвать героя именем директора соседней столовой.

Это могло разозлить кого угодно, и я разрешил ей назвать бедолагу именем, каким ей заблагорассудится.

Через часа два я получил перепечатанные страницы со своим злополучным героем по имени Искандер Заирович.

Я так и обмер: как же это она выбирала, если не сообразила, что брата нашего редактора зовут Заиром. Быстренько переделал Заировича на Гаибовича.

Заведующий отделом одобрил рассказ, предварительно заменив Искандера Самандаром. От ответственного секретаря герой вернулся Назаровичем, заместитель редактора сделал его Туйчи Мурадовичем, а редактор почему-то решил, что отца героя звали Эрали, и он непременно должен быть Туйчи Эралиевичем.

Наконец, мой Туйчи Эралиевич попал в типографию, где не угодил своим именем линотиписту, о чем тот сразу известил звонком в редакцию. Выслушав от него град упреков в свой адрес, я разрешил ему дать имя по своему усмотрению.

Когда редактору в руки попала корректура, он вызвал меня.

— Что это за своеволие?— строго взглянул он.

Когда я объяснил, что так захотелось линотиписту, он выругался, но успокоился довольно быстро, после чего собрал в своем кабинете всех сотрудников, чтобы сообща подобрать имя мученику.

Урман Азизович не подошел потому, что так звали нашего шефа.

Аман Бердиевич был начальником связи, и никто не хотел оставаться без телефонов.

Гайрат Камалович — уважаемый всеми председатель одного крупного колхоза, который тоже отличался обидчивостью.

Нурмат Адилевич отпал сразу, так как он заведовал райфинотделом, а наша типография еще не была достроена.

— Ну что, Адамом¹ Адамовичем, что ли, его назвать прикажете?— не выдержал редактор.

Тут заведующий отделом сельского хозяйства застенчиво заметил, что в «Узсельхозтехнике» работает Адам Аронович.

Тут меня осенило.

— Придумал!— закричал я обрадованно.— Таир-ака, придумал! Пусть мой герой будет Сагдуллой Сагдуллаевичем!

Все стали неудержимо хохотать, пока редактор не крикнул:

— Тихо! Что вы на это скажете? По-моему, не дело он говорит. Сами подумайте, к какому выводу может прийти начальство... Анархия какая-то...

Но мое предложение всем очень понравилось, и посылались голоса заступников.

— Соглашайтесь, Таир-ака!

— Семь бед — один ответ. Нужна же, наконец, газете сенсация!

Поколебавшись, Таир-ака подписал корректуру. Некоторые поздравляли меня, другие откровенно смеялись. Жена надулась.

Но если бы все на этом кончилось! Получилось как в пословице: бежал от дождя, попал под град.

В понедельник, когда я сидел в приемной редактора и листал подшивку газеты, раздался телефонный звонок. Я сразу взял трубку, не зная, что телефон параллельный.

Звонил кто-то из районного начальства:

— Послушайте, у вас работает Сагдулла Сагдул-

---

¹ А д а м — в переводе с узбекского — человек.

лаевич?— получив подтверждение, он продолжал:— Здорово же его в фельетоне протянули!

— Где? В каком фельетоне? Когда?— не на шутку всполошился редактор.

— Да в нашей же газете, в субботнем номере.

— А-а-а,— облегченно вздохнул Таир-ака.— Так это же шутка, Азиз-ака, он сам это написал.

— В таком случае не могу понять, как вы его терпите. Пьяница, эгоист, сплетник, кругом в долгах и еще вдобавок сам же про это расписывает. Срочно примите меры. Соберите собрание и обсудите его моральный облик. Таким нет места среди честных тружеников!

— Азиз-ака, так ведь это не фельетон, а юмористический рассказ.

— Юмор мы понимаем прекрасно!— строго заметил его собеседник.— только прошу прислать мне решение собрания. Лично мне.

Разговор был закончен, но я еще долго сидел, прижав к уху телефонную трубку.

ОРИГИНАЛЬНЫЙ КАРЬЕРИСТ

Фельетонист только что закончил очередной фельетон и теперь сидел подавленный, предаваясь невеселым мыслям... Увидев в дверях какого-то посетителя, он помрачнел еще больше, но все же указал незнакомцу на скрипучий диван. Тот сел и, не дожидаясь никаких вопросов, торопливо заговорил:

— Да поможет Вам бог в Вашей благородной и нужной работе! Не знать Вам усталости и болезней! Как Ваше драгоценное здоровье? Как поживает Ваша семья?

Чувствуя, что у такого вежливого гостя вопросы иссякнут не скоро, фельетонист сухо перебил его:

— Спасибо. Я слушаю Вас.

— Вы человек добрый, всем помогаете. Благодаря Вам люди по-царски жить стали, всего довольно. Спасибо Вам за это.

Приняв молчание удрученного журналиста за одобрение, он продолжал:

— А я,— он назвал себя,— продавцом в пятнадцатом магазине работаю, хочу, чтобы Вы обо мне фельетон написали.

— Что-о-о?— удивился фельетонист.

Продавец заскрипел диваном и уже тише повторил:

— Фельетон... про меня... фельетон напишите, если только время у Вас найдется для меня.

Изумленный фельетонист не верил своим ушам. Вот уже который год он работает в газете, написал десятки фельетонов, но такого мотылька, что сам себе костер готовит, не доводилось видеть.

— Вы что, смеетесь надо мной?— глядя в глаза продавцу, серьезно спросил фельетонист.

— Провалиться мне на этом месте, если я думал обидеть Вас,— горячо заговорил необычный посетитель,— я от всей души прошу Вас, напишите про меня фельетон!

Подумав, фельетонист хитро прищурился:

— Ну, выкладывайте, что там за Вами водится?

— Кругом виноват!— обрадовался старший продавец.— Если только собрать все жалобы, написанные на меня, несколько томов будет Во-первых, я ужасный грубиян. У покупателей после разговора со мной сразу поднимается давление. В последнее время некоторые стали приходить в магазин с коробочкой валидола.

— Неужели не жалуются?

— Мало! Я был бы рад, если бы они бесконечно на меня жаловались.

— Ничего че могу понять! Зачем Вам рубить сук, на котором Вы сидите?

— А я Вам потом объясню! Так Вы напишите, а?

— Нет,— покачал головой фельетонист.— Не пишу. Таких грубиянов знаете сколько? Всем по фельетону не посвятишь.

Поблуднев, продавец вскочил с места. Губы его подергивались, глаза наполнились слезами.

— Я так надеялся на Вас... Как на пророка... Ну, что Вам стоит коротенький фельетончик написать? Детей моих хотя бы пожалейте, будьте так великодушны!

Он готов был разрыдаться.

Фельетонист с презрением посмотрел на хнычущего просителя и сказал:

— Ладно. Приносите материалы — жалобы, протоколы собраний товарищеского суда и так далее.

Чуть не приплясывая от радости и рассыпаясь в благодарностях, продавец попятился к двери.

На следующее утро он опять явился в редакцию, неся огромный сверток, аккуратно завернутый в бумагу. Вручив его фельетонисту, он ушел.

Жалоб, действительно, было очень много. Казалось, люди писали слезами, а не чернилами. «Даже если бы продавцов готовили в Герате и они были такой редкостью, все равно нужно было бы заменить этого нечестивца», — написал какой-то старик.

В другой жалобе было написано, что он, подобно дешевому одеколону, вызывает у всех головную боль.

Выписав некоторые цитаты из книги жалоб, фельетонист позвонил завмагу.

Тот полностью подтвердил все жалобы. Тогда, придвинув к себе чистый лист бумаги, фельетонист принялся за дело.

Продавец пришел на другой же день узнать, когда о нем напечатают.

— В воскресенье будет фельетон,— сказал автор.— Называется «Грубиян» или «Груб Грубияныч». Так, может, раскроете карты все-таки?

— Потерпите немного,— сказал продавец, краснея,— все узнаете, пусть только фельетон выйдет.

Вышел фельетон, прошли дни. Автор стал уже забывать о продавце, но однажды тот снова напомнил о себе.

— Ассалом алейкум, мой благодетель.— начал он, открыв дверь.— Я пришел сюда, как в Мекку, поклониться. Вы даже представить не можете, какую услугу мне оказали. После того, как напечатали Ваш фельетон, меня с треском сняли с работы, а потом назначили зав. отделом соседнего, седьмого гастронома. Вот скоро месяц, слава аллаху, а Вам в первую очередь, как там работаю.

— Так чего Вам теперь от меня нужно?— не выдержал фельетонист.

— Суший пустячок,— смиренно ответил зав. отделом.

— Что еще такое?— раздражаясь, спросил журналист.

— Понимаете ли... в девятнадцатом гастрономе директор собирается уходить на пенсию, так что, не будете ли так любезны, фельетончик про меня напишете..

Но фельетонист уже ничего не слышал — он был в глубоком обмороке.

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ

«Голубые купола» Ташкента, да будет вам известно, это то место, где можно хорошо отдохнуть и плотно поесть. Так вот, проходя как-то мимо этого кафе, я решил полакомиться лагманом.

Так как все места в зале были заняты, сел за самый крайний столик на террасе. Напротив меня сидели пятеро и о чем-то оживленно спорили. Судя по разговору, сначала они показались мне писателями: речь

шла о литературе в целом и о том, кто что написал — в частности. Но, как потом я догадался, это были не писатели, а критики. От нечего делать стал изучать каждого в отдельности. Первый из них был толстенький дядя с отвисшей губой и маленькими глазками. Голос неприятный, похожий на удары барабана, долго пролежавшего на морозе. Почти каждая его фраза сопровождалась словами «так-так». Чувствовалось, что он был старшим здесь и по возрасту, и по положению.

Вторым был молодой человек с кудрявыми волосами, будто накрыли его голову шкурой молодого барашка. Сам красив, да еще мастак красиво говорить. Успел я заметить интересную его привычку: прежде чем что-либо сказать, он лез во внутренний карман пиджака, доставал оттуда блокнотик, находил нужное место и только после этого излагал какую-то мысль. Затем снова блокнот засовывал в карман.

Третьему было лет около тридцати пяти. Тощий и с продолговатой головой. На шее множество складок. Видать, очень упрямый, любит поспорить по любому поводу.

Так как остальные двое сидели ко мне спиной, лиц их не разглядел. У одного на голове — меховая шапка, у другого — берет.

Выпив глоток сока из голубого стакана, дядя «так-так» сказал:

— Дорогие мои коллеги. Не за горами и Новый год. Так давайте же определим свои задачи на будущее. Кто какого писателя будет рецензировать в новом году?

«Меховая шапка» только было начал: «Я собираюсь...», как дядя «так-так» взял инициативу на себя:

— Разумеется, Калонов, Ахмадхаджаев и Фарманов — так сказать, мои «кровные писатели». Так-так... Об их новых произведениях я намерен написать цикл статей. Я даже успел договориться с редакциями. Так-

так... Надеюсь, у вас не будет возражений? Вот теперь вам слово, Шадыев.

А у Шадыева вид шара, нечаянно задетого и внезапно лопнувшего.

— Учитель, может, вы уступили бы хоть одного из своих маститых писателей. А то нам постоянно одни начинающие достаются...

Тут у дяди «так-так» немножко расширились зрачки, и он напомнил:

— Вай-вай-вай, мой молодой коллега! И как вам не ай-яй-яй! Да возьмите вы любой журнал и перелистайте до конца. Там полно молодых имен, как грибов после дождя. Как у вас может повернуться язык назвать начинающим, ну, скажем, Нишанова? А Мирзой? Чем Лятифи хуже их, по-вашему? Не говоря уже о Парвози... Ну, говорите же!

Шадыев виновато опустил голову.

— Вы правы, конечно, учитель. Коли вы велите о них писать, так и сделаем. Но, согласитесь, с этими Лятифи-Сятифи когда же мы доживем до лучших дней своих? Совсем другое дело — писать о чинарах, авось хоть тень от них падет на тебя. Ведь писатели-чинары нужны именно сейчас, когда близится моя защита диссертации. Их литературный вес поднял бы авторитет и моих публикаций. Да что я обо всем этом говорю — вы сами отлично понимаете...

— Успеете еще понежиться под тенью чинар и защититься — тоже, — промямлил дядя «так-так». — А пока крепче держитесь за Парвози...

В поддержку «меховой шапки» выступил «берет».

— Это нечестно, учитель. Я категорически против такого распределения. Выходит, кто-то до конца жизни будет играть на флейте, а другой — на барабане! Нет, так дело не пойдет! Вношу предложение, — сказал он и, сняв берет, положил его на стол, — вношу предложение бросить жребий. Как? А вот так. Нас

сколько? Пятеро. На пяти листочках напишем фамилии пяти писателей. Затем вытянем каждый по листочку. Вот тогда и решится все честно. Кому какой писатель достанется, о том каждый из нас будет писать весь год. Кто за такое предложение?— И достал из внутреннего кармана пиджака ручку и бумагу, приготовившись приступить к предложенной процедуре.

Дядя «так-так», как ошпаренный, схватился за берет:

— А это, Тешаев, называется не иначе как ставить палки в колеса,— сказал он, тяжело дыша.— О трудах писателя Ахмадхаджаева я пишу вот уже тридцать лет. И между прочим, в отличии от вас, тогда я даже в аспирантах не ходил...

Парень с продолговатой головой до сих пор молча уплетал цыпленка-табака, но тут счел нужным сказать и свое слово:

— Зато Султан Ахмадхаджаев тогда уже был знаменитым писателем. Извините, учитель, меня за дерзость, но я не побоюсь сказать, что это он вывел вас на большую арену...

Дядя «так-так» посмотрел на него испепеляющим взглядом.

— Так-так... Вы, Алиев, мягко говоря, просто неблагодарный человек. Если будете вести себя так и дальше, то никогда вам не стать доктором. Запомните мои слова!

Молодой человек с головой барашка по обыкновению достал блокнот и, углубившись в него, произнес:

— Друзья мои! Во-первых, считаю своим святым долгом констатировать, что наша беседа проходит в духе искренности и взаимопонимания и так далее. Что же касается распределения, я тоже имею предложение. И вот какое. Пусть кто-нибудь из нас, будь это я, или Тешаев, или Алиев, напишет рецензию на новую книгу поэта или прозаика и отнесет ее самому автору.

И давайте прямо скажем ему: мол, вот мы пропагандируем твоё творчество, так и ты, будь добр, выполни свой гражданский долг — посодействуй. чтобы опубликовали статью. Что вы думаете насчет этого?

— Твое предложение только курам на смех,— оценил Алиев.

— Действительно,— поддержал его Тешаев.— Если тот писатель в своем уме, то опубликует рецензию, сократив все критические моменты. А потом все читатели будут смеяться над тобой же Шамсиев, и говорить, что никакой ты не критик, а какой-то штатный восхвалитель.

— Не говорите зря,— возразил Шамсиев.— Сколько лет я работаю только таким методом, и никто до сих пор не смеялся надо мной..

В это время Шадыев протянул дяде «так так» маленькую записочку. Учитель многозначительно улыбнулся, взяв бумажку, и положил ее в карман.

— Так-так, Шадыев, ладно — уговорил. Уступаю тебе Фарманова до тех пор, пока не защитишь свою диссертацию. Но только на один раз — больше не проси. И с одним условием: ты не пойдешь против моих мыслей, выраженных в монографии. А то можешь ненароком обидеть моего кумира, понял?

— Понял, учитель,— обрадовался Шадыев.— В жизни не пойду против ваших мыслей. Наоборот — я постараюсь развить их, буду приводить самые длинные цитаты из вашей монографии.

Довольный дядя «так-так» вдруг посмотрел на часы и заторопился:

— Ох, как время летит! Ведь мы с Султаном-ака договорились встретиться в четыре часа. Так-так... А ну, Тешаев, пиши, кому какие объекты. Значит, мне те, которых я уже назвал, плюс — один юбиляр.

Тешаев записал и, как бы между прочим, попросил:

— Учитель, разрешите и себе записать одного юби-

ляра. Ведь мне все равно придется участвовать во встречах со студентами.

— Валай.— добродушно разрешил учитель.— Так-так... Тебе дадим еще двух драматургов — будет повод посещать театры. Записал? Так-газ... Шадыеву предоставить право один раз написать рецензию на книги Фарманова. Основными же его объектами оставим Парвози, Мирзон, а также поэта Мубтало. Ты, Шадыев, брось пренебрегать ими: да, они лишь начинающие, но среди этих новичков есть и такие, которым завидуют даже сами старички — запомни мои слова. Пройдет пять-десять лет и на вопрос, кто же, мол, открыл талант поэта Мубтало, все будут отвечать — критик Шадыев! Усек? То-то! Так-так... Кто же теперь у нас еще остался? Ах, Шамсиев... Ну, его объект известен — Хуршид. Пусть из галантливой молодежи займется еще и Асмановым. На глазах растет этот Асманов, есть даже подозрение, что его вскоре назначат редактором одного издания... Так-так... Следующий...

Виля, что очередь дошла и до него, Алиев хитро улыбнулся:

— А мне никого не надо. Я больше не собираюсь писать статьи.

— То есть как?— удивился учитель.— Позвольте, а как же насчет вашего долга перед литературой?

— Отказываюсь от рецензий потому, что сам хочу стать писателем,— ошеломив своим сообщением всех сидящих. Алиев достал из портфеля толстую папку с бумагами.— Вот мой первый роман. В издательстве одобрили, но посоветовали немного доработать.

— Ах, вот оно что! Поздравляю!— покраснел учитель.— Я-то все удивлялся, почему так редко публикуете рецензии... Оказывается, тайно создавали свое полотно, да? Хорошо... Очень даже хорошо. Одобряем...

Шамсиев, Шадыев и Тешаев с плохо скрываемой завистью поздравили Алиева.

Через некоторое время все встали из-за стола и спустились вниз, на аллею. Учитель долго о чем-то говорил Алиеву. Затем все разошлись: четыре критика во главе с учителем пошли в одну сторону, а Алиев — один — в другую.

Вскоре пошел своей дорогой и я.

ЛИШНИЙ ГРУЗ

Как-то я спустился в подземный переход, что находится возле ЦУМа, и удивился огромному скоплению людей. Какая-то женщина вдруг как завопит на все подземное царство: «Подходи, народ! Новая книга! Эврика!.. Старая дева выходит замуж за робота! Робот ей изменяет! Спешите купить!..»

Толпа людей устремилась на зов. Я сделал несколько прыжков и оказался почти рядом с продавщицей. (Несколько человек все же опередили меня). К счастью, бог не обидел меня ростом. Я вытянул шею и через головы людей сумел разглядеть эту новинку: пухлая книга, на ней что-то написано золотыми буквами.

— А кто автор?— ткнул я локтем парня, толкавшегося рядом. Тот, не обращая на меня никакого внимания, изо всех сил тянул руку с деньгами и кричал.

— Сестрица, дайте мне три штуки!

— У меня нет мелочи, кому без сдачи, пожалуйста,— протараторила та.

Смотрю, книжная стопка тает на глазах. Я ловко сунул рубль продавщице и, крепко прижимая книгу под мышкой, выбрался из толпы. Отошел в сторону и стал разглядывать покупку. Боже мой, да ведь это одного моего знакомого писателя. Она уже много раз издавалась. Мне рекомендовали ее так: «Читай эту книгу, когда у тебя бессонница, не заметишь, как заснешь».

Я недовольно поморщился, но возвращать книгу не стал. Неловко. Да и не примет назад. Только нагрубит: «Какое бескультурье, в жизни книгу не покупал... скряга...»

Так с нерадостной покупкой я пошел гулять по городу. Зашел в магазин, посмотрел новые пластинки и незаметно оставил книгу на прилавке.

— Вы забыли книгу, товарищ,— окликнул меня продавец.

Я сделал вид, что не слышу. Тогда продавец закричал:

— Эй, в пестрой рубашке!

Я невольно оглянулся. Продавец держал книгу в вытянутой руке, словно целился в меня:

— Заберите, мне чужого не надо!

Я взял у него книгу, изображая на лице что-то похожее на улыбку. Вышел на Театральную площадь и присел отдохнуть. Стал любоваться гуляющими влюбленными парочками, многочисленными детьми, прыгающими, как воробушки, вокруг фонтана. Книга лежала рядом на скамейке, занимая место одного человека. Я бросил на нее нежный прощальный взгляд, осторожно встал и пошел, не оглядываясь. Вдруг за спиной слышу пронзительный «чур-р-р» свистка. Оглядываюсь, это толстяк-милиционер, перекатываясь, спешит в мою сторону и над головой держит мою книгу. Слава богу, ноги у меня длинные, шаг страусиный... Я дал такого стрекача, что, как говорится, пятки засверкали. Тьфу ты! Снова слышу «чур-р-р!» и угрожающее: «Держите его!» Тут, словно из-под земли, передо мной выросли четыре здоровенных парня. Милиционер подошел ко мне, тяжело дыша, и сердито проговорил:

— Стыдно, гражданин! Вот такие ротозей теряют свои вещи, а мы потом ищем хозяина. Заберите свою книгу!

— Извините, это... не моя,— выпалил я со страха.

— Ваша!— повысил голос милиционер,— я сам видел, как вы ее читали.

Чтобы не накликать большей беды, я забрал книгу.

— Нельзя быть таким рассеянным, настоящий джигит никогда не теряет головы,— сказал милиционер мне на прощание.

Я уныло побрел по дороге и не переставал думать,⁷ как избавиться от своей ненужной ноши, красовавшейся у меня под мышкой, и удивлялся выдумке продавщицы о каком-то «неверном роботе». Так бреду я по улице, вперив взор вперед... и вдруг... бог ты мой! Вот судьба-а! Хоть верьте, хоть не верьте,— прямо мне навстречу важно, с достоинством, ни дать, ни взять сам граф Толстой, вышагивает автор этой злополучной книги. Я чуть не заплакал от радости:

— Салом алейкум, акаджан!— Я схватил его натруженную руку, пишушую пухлые-препухлые, прямо с подушку, книги и долго тряс. Потом перешел к делу.— Вы знаете, вчера в наш книжный магазин прибыла тысяча штук ваших книг. Вмиг разобрали... Мне еле две штуки достались. Очень смешная книга. Я так смеялся... Одну из них хочу вам подарить, берите!

— Спасибо,— усмехнулся автор,— у нас у самих двести штук. Сначала надо их раздать.

Я крепко вцепился в полу его пиджака:

— Умоляю вас, возьмите. Я же ваш ученик... не откажите...

Автор уперся и все тут.

— Вы скажите своим товарищам, если им нужна эта книга, пусть не стесняются и приходят к нам домой, подарю с автографом,— отчеканил он и важно откланялся

Я рассердился. Хотел швырнуть книгу в заросли. Только пожалел потраченные деньги: «Вот бестолочь,— ругал я себя,— лучше бы на этот рубль купил две пачки сигарет. А еще мог бы поставить перед собой четыре кружки пива в ряд и попилал его с соленым миндалем». Что же делать?.. Тут меня осенило: «Сбегаю-ка в букинистический магазин». Но и там мне тоже не повезло. У меня ее не взяли ни за полцены, ни за четверть цены.

— У нас есть все издания этой книги, вот уже пять

лет лежат,— сказала мне молодая продавщица с нежной улыбкой.

Я чуть не закричал «До-од!» Я стал проклинать автора за его «редкую» книгу, принесшую мне столько мучений.

Оставалось одно — пойти на базар, там испытать судьбу. За цветочным рядом, под одиноким карагачом всегда сидел старик — торговец насвая.

— Дедушка, книгу не купите?— спросил я его почему-то шепотом.

— Если дешевая, купим,— ответил старик,— покажи!

Я поспешно протянул ему книгу. Старик по слогам прочел золотом написанные слова, потом стал листать, поплеывая на свои позеленевшие от насвая пальцы. Открыв последнюю страницу он прочел: «Тираж 60 тысяч, цена 86 копеек».

— Да-а,— протянул он удивленно,— по рублю — 60 тысяч рублей, если вычесть 14 копеек... О аллах! Неужели эта книга стоит 51 тысячу 600 рублей? Это же, родной, сверкающие пять машин «Жигули»!

— Дедушка, возьмете или нет?— спросил я, теряя терпение.

— Возьмем, возьмем,— сказал старик и снова пустился считать.— Если одна книга весит килограмм, ушло 60 тонн бумаги... Если по грамму ушло золотой краски на нее, потратили 60 килограммов золота. Вай-бай, какое разорение государству, сынок?

— Дедушка, я спешу...

Старик подержал книгу, поглаживая ее шершавой рукой, потом посмотрел на меня и улыбнулся:

— Сколько дать за твой товар? Двадцать копеек хватит?

Я рассмеялся.

— Берите даром, дедушка, я пошел.

Старик помотал головой и протянул книгу назад:

— Нет, сынок. Дармовой товар впрок не пойдет. Не возьму, бога боюсь.

Я кинулся умолять:

— Дедушка, родненький... не обижайте меня. Посмотрите. здесь 540 страниц. Представляете, сколько покупателей сможете обслужить?!

Мои доводы, кажется, подействовали на старика. Он смягчился.

— Тогда я тебе заверну немного насвая, не отпускать же тебя с пустыми руками?

Чтобы старик не раздумал, я сразу согласился. Он крохотной ложечкой «плеснул» два раза в бумажную трубочку насвая и протянул мне. А я подумал: «Отдам нашему соседу Шокасыму». Взял насвай и поспешно удалился. Но, прежде чем завернуть за угол, оглянулся. Старик с шумом выдирает белые листы из красной с золотом обложки. Я успокоился. Наконец-то книга эта употребляется по прямому своему назначению.

СОДЕРЖАНИЕ

Прелесь моя

Ветка плакучей ивы. Перевод Л. Белова.	4
Товарищ... супруга. Перевод Т. Сабитова.	17
Сказки для мужчин. Перевод Т. Сабитова.	23
Прелесь моя. Перевод А. Каримовой.	30
Старуховоз. Перевод Н. Владимировой.	36
Жили-были старик со старухой... Перевод И. Цесарского.	39
Хотя чудес не бывает... Перевод Н. Владимировой.	49

Жанна на шее

Жанна на шее. Перевод И. Цесарского.	56
Чудные соседи. Перевод И. Цесарского.	80
Я сам плохой. Перевод Л. Белова и Е. Тениш.	89
Оригинальный карьерист. Перевод Л. Белова.	94
Распределение. Перевод Т. Сабитова.	97
Лишний груз. Перевод Ф. Шайхутдиновой.	104

Сияев Сагдулла.

С 41 Сказки для мужчин: Юмор. рассказы:/Пер. с узб./.— Т.: Ёш гвардия, 1988.—112 с.

В сборник вошли юмористические рассказы, разоблачающие отдельные негативные явления, еще бытующие в нашей жизни — эгоизм, лицемерие, мещанство, ханжество.

Уз2

Перевод с узбекского

САГДУЛЛА СИЯЕВ

СКАЗКИ ДЛЯ МУЖЧИН

Юмористические рассказы

Рецензент — **С. Брынских**, член СП СССР

Редактор **Т. Горбонос**

Художник **А. Камбаров**

Худ. редактор **Н. Абдуллаев**

Техн. редактор **В. Демченко**

Корректоры **З. Наджатова, З. Коломиец**

ИБ № 2266

Сдано в набор 4.01.88. Подписано в печать 14.05.88.
Формат 70×108^{1/32}. Бумага № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Печ. л. 3,5. Уч.-изд. л. 4,78.
Усл. печ. л. 4,90. Усл. кр.-отт. 5,25. Договор 168—87.
Заказ № 2666. Тираж 30000. Цена 30 к.

Издательство ЦК ЛКСМ Узбекистана «Еш гвардия»,
700113, Ташкент, Чиланзар, квартал 8, ул. газеты
«Правда», 60.

Ордена Трудового Красного Знамени типография
Издательства ЦК КП Узбекистана. Ташкент, ул. Ле-
нина, 41.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ЛКСМ УЗБЕКИСТАНА «ҒШ ГВАРДИЯ»
В 1988 ГОДУ ВЫПУСКАЕТ СЛЕДУЮЩИЕ КНИГИ
НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ:

К. АКСЕНОВ.
Порывистый ветер.
Стихи

В. ЛАРЦЕВ.
Звезды над Регистаном.
Стихи

А. УСТИМЕНКО.
Когда стреляют на перевале.
Рассказы